

М
а
В
Р
Н
и
у
К
К
а
О
В
а

关于信的回忆

Марика Внукова

Воспоминания о письмах

<https://litres.ru/74295399>

SelfPub; 2026

Аннотация

Китай, 1936 год. Сестра и брат Хоу Нянь Цзи и Хоу Лэ Нин остались в целом мире одни друг у друга, но внезапно Лэ Нина призывают в армию. Нянь Цзи полагает, что недолюбливает сылина Цзян Вэнь Яо, который лично забрал её брата, но тот невольно проявляет к ней своё тайное нежное чувство, и Нянь Цзи теплеет к нему. Однако преграды для их светлой любви слишком велики и выдержать их непросто.

Содержание

Пролог	4
ГЛАВА I	7
ГЛАВА II	20
ГЛАВА III	35
ГЛАВА IV	49
ГЛАВА V	59
ГЛАВА VI	71
ГЛАВА VII	84
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Воспоминания о письмах

Пролог

В провинции Цзянсу был город под названием Яньчжоу, и город этот окружали вечнозелёные горы, кристальные реки и озёра, а также множество маленьких деревень, среди которых была деревня Чэньлу. Именно в ней последние три года проживали брат и сестра из семьи Хоу — Лэ Нин и Нянь Цзи.

Нянь Цзи никогда не спрашивала брата о том, откуда у него столько денег, чтобы им хватало на вполне комфортную жизнь. Иногда она строила тягостные предположения относительно его обеспеченных друзей, которые ещё могли у него остаться после смерти обоих родителей, но ей было так стыдно даже подумать о том, как её добросердечный брат занимает у друзей деньги, что она старалась не забивать этим голову. Брат клялся ей, что в долги не влезал, и этих слов ей было достаточно.

Рядом с их традиционным китайским домом она нередко видела некий чёрный автомобиль, окна которого всегда были занавешены шторками. Нянь Цзи всегда замечала его, ведь было весьма странно лицезреть подобный объект в их «грязной» деревне Чэньлу, какой её прозвали жители Яньчжоу за плохие дороги, полные пыли, ям и ухабов. Тем не

менее Нянь Цзи не придавала этому автомобилю значения, ведь не имела к нему никакого отношения. Во всяком случае, именно в этом она старалась убедить саму себя, хотя в глубине её души закрадывались сомнения в случайности его присутствия. Тем более этот автомобиль она замечала исключительно во время отсутствия Лэ Нина дома. В конце концов Нянь Цзи не пыталась узнать природу присутствия в Чэньлу этого автомобиля и забывала о нём, как только он пропадал с её глаз.

Пять лет назад, когда ещё господин Хоу, отец Лэ Нина и Нянь Цзи, был жив, он отправил шестнадцатилетнего сына в военную академию, как поступали едва ли не все отцы, имеющие какое-либо отношение к военным делам. Господин Хоу отправил Лэ Нина в военную академию по одной простой причине, заключающейся в том, что вот уже несколько лет по всему Китаю время от времени происходили жуткие инциденты и стычки, в которых японская и китайская армии боролись друг против друга. Страдали не только солдаты, но и мирные жители. Такие инциденты стали для китайцев обыденностью, но новости о них всё ещё ужасали. Господин Хоу заранее знал, чем эти инциденты в будущем могут обернуться, но Лэ Нин заинтересовался ими лишь в последние дни августа тысяча девятьсот тридцать шестого года и с тех пор нередко привозил из Яньчжоу газеты о подобных происшествиях. Лэ Нин с самого детства был крайне чувствительным ребёнком, жалеющим даже насекомых, к тому же в его пер-

вый год обучения в военной академии господин Хоу погиб на поле боя, и вскоре после госпожа Ляо, мать Лэ Нина и Нянь Цзи, умерла от горя, поэтому уже в начале второго года обучения Лэ Нина исключили из военной академии. На следующий год он поступил в университет и был очень этому рад.

ГЛАВА I

Утро двадцать третьего октября тысяча девятьсот тридцать шестого года было промозглым и пасмурным. Ночной ливень превратил землю в скользкую грязь, потому Нянь Цзи приготовила для брата высокие чёрные сапоги.

Она ждала его за столом на кухне, соединённой с небольших размеров гостиной. На столе был нехитрый завтрак: две миски риса, пять блюдец овощей и два стакана молока. Лэ Нин всё не приходил, но он не опаздывал, потому Нянь Цзи не торопила его.

В это же время в соседней комнате за задвинутыми дверями Лэ Нин — юноша двадцати одного года с нежными и мягкими чертами круглого лица — заседал по-турецки на джутовой циновке и тяжело размышлял о сделанном выборе. Он расположился перед низеньким письменным столом, что служил ему местом учёбы последние три года. Лэ Нин снял очки и потёр слипающиеся глаза.

То, о чём он размышлял, выбором звалось натянуто и заключалось в следующем: предупредить сестру, чтобы она зашла в переживании, или не предупреждать. Ранее выбор его пал на второе, о чём сейчас Лэ Нин глубоко сожалел. Он не доучился в военной академии, поэтому у него больше не было отсрочки от армии, и он не имел воинского звания, но знал, что уже с сегодняшнего дня будет вынужден стать

рядовым. Лэ Нин с тяжким сердцем звал таких «пушечным мясом» и последним его желанием было пополнить их ряды. Он знал, что сегодня уже не пойдёт в университет, в котором взял академический отпуск, однако до сих пор не признался в этом сестре.

Но в конечном итоге у него не осталось иного решения, потому вскоре он вышел из комнаты и сел напротив сестры. Она сразу заметила, каким усталым он выглядел. Его веки слегка подрагивали, намереваясь опуститься, а кожа под глазами посерела.

— Ты не спал? — почти строго спросила Нянь Цзи.

Лэ Нин действительно не спал и надеялся, что это утро никогда не наступит. Но оно наступило, и теперь он прятал руки под столом и не осмеливался притронуться к палочкам. Он должен был рассказать Нянь Цзи правду, однако не осмеливался это сделать.

— Я проснулся от кошмара и не смог уснуть снова. Я много думал вчера, — промямлил он первое, что пришло на ум.

— О чём ты думал? — смягчилась Нянь Цзи.

— Ты знаешь, какие сейчас времена, цзецзе¹, — выдохнул Лэ Нин.

— Ты об этом думал? — нервно переспросила Нянь Цзи. — Через пару часов тебе на занятия идти, а ты не тем голову забиваешь! Скоро же экзамены, разве тебе не следует сосредоточиться на них?

¹ Цзецзе (кит. ##) — «старшая сестра».

— Прости, цзеце, — шепнул Лэ Нин.

У него задёргалась нижняя губа, и он прижал подбородок к груди.

— А-Нин², что с тобой? — взволновалась Нянь Цзи и подскочила к нему.

— Я должен был тебе рассказать. Прости меня!

Нянь Цзи обхватила его голову и прижала к себе. Её сердце быстро стучало.

— О чём? О чём ты хочешь рассказать? Неужели снова произошёл какой-нибудь инцидент?

— Нет... нет... — гнусаво пробормотал Лэ Нин, вцепившись сестре в спину, будто ребёнок.

— А-Нин! Скажи же мне в чём дело! — она отстранила его от себя и слегка встряхнула. — Зачем ты меня пугаешь?

— Цзеце, я... — Лэ Нин всхлипнул и прошептал, — ... я должен ехать в Сидайн³.

— Зачем тебе туда ехать?

— Потому что меня призвали в армию Цзян-цзунсылина⁴.

В горле у Нянь Цзи будто игла застряла.

— Прости, что не рассказал тебе раньше! Я не хотел, что-

² А (кит. #) — префикс, создающий вместе с последним иероглифом имени уменьшительное имя. Здесь: так обращаются к кому-то, к кому хотят проявить нежность. (Также так обращаются к детям, слугам и тем, кого опекают).

³ Сидайн (кит. ###) — «штаб-квартира западного отряда».

⁴ Цзунсылин (кит. ###) — «главнокомандующий».

бы ты расстраивалась...

— Я не знала о твоей глупости! — в сердцах воскликнула Нянь Цзи. — По-твоему, теперь я не расстроена?

Лэ Нин заплакал, но юное круглое лицо Нянь Цзи, имеющее в себе некоторую холодность, будто морозный январский день, и серьёзность, как у взрослой женщины, не изменилось. Она сильнее прижала брата к себе и зажмурилась, будто так они могли исчезнуть, но тут же распахнула глаза и напряжённо спросила:

— Когда ты уезжаешь?

— Скоро... Сегодня.

— Ты должен был сразу мне рассказать!.. — приглушённо пробормотала Нянь Цзи, глядя ему волосы. — Глупый! Ну почему ты не рассказал?

— Ты бы переживала...

— Но теперь я не готова, — Нянь Цзи отцепилась от брата и пристально посмотрела на него. На самом деле эта новость не стала для неё неожиданностью, ведь ещё до этого она имела основания полагать, что брат что-то скрывает. Но она наивно надеялась, что секрет его не столь страшен, а теперь для разговоров стало слишком поздно.

— Цзецзе, скажи что-нибудь, пожалуйста, — несчастно попросил Лэ Нин.

Нянь Цзи вздрогнула, будто внезапно проснувшись.

— Я помогу тебе собраться, — отрешённо сказала она, но Лэ Нин предупредил, что сумки уже готовы. — Тогда ешь.

Я всё проверю, — и она закрылась в его комнате.

У Лэ Нина не было аппетита, но он съел всё.

Нянь Цзи же опустилась на пол и беззвучно проплакала несколько минут, пока не нашла в себе силы успокоиться и высушить глаза. Она вернулась к брату и увидела пустые тарелки.

— Тебе понравилось? — спросила она.

— Как всегда, — ответил Лэ Нин.

Он сразу понял, что сестра плакала, но не стал её смущать. Вместо этого он просто так поинтересовался:

— Я ничего не забыл?

Нянь Цзи покачала головой. Она колебалась, прежде чем спросить:

— Скоро тебе ехать?

Лэ Нин кивнул. Нянь Цзи не выдержала, и в её глазах снова возникли слёзы.

— Не нужно было соглашаться на военную академию, — с досадой пробормотала она будто для себя. — Теперь ты даже не можешь отказаться от армии.

— Прости, цзецзе, — произнёс Лэ Нин. — Я, кажется, кое-что забыл.

И с этими словами он скрылся в комнате. Нянь Цзи горько усмехнулась и заплакала.

Около получаса спустя Лэ Нин услышал подъезжающий автомобиль, и ему показалось, что он очнулся от сладкого сна. Шум мотора прекратился рядом с домом.

Лэ Нин шагнул за порог комнаты, но Нянь Цзи его опередила и попросила пока не выходить. Он знал, что всё бессмысленно, однако ему было так жаль бледную сестру, что он послушался.

Нянь Цзи отворила дверь и увидела молодого мужчину, облачённого в двубортное пальто и военную форму болотного цвета с позолоченными пуговицами. Молодой мужчина тут же произнёс глубоким и низким голосом:

— Доброго утра, сяоцзе⁵.

Нянь Цзи была не в силах даже расцепить затвердевшие пальцы, которыми до этого вцепилась в дверь, потому в ответ лишь кивнула.

— Вы Хоу-сяоцзе? — предположил молодой мужчина и, не дожидаясь ответа, продолжал, — Я Цзян-сылин⁶. Полагаю, вы знаете, зачем я здесь? Не могли бы вы позвать вашего брата?

Нянь Цзи в голову закралась мысль, что командующий Цзян ещё не видел Лэ Нина. Она не стала раздумывать и уже открыла рот, чтобы соврать, однако Лэ Нин вовремя остановил её:

— Цзян-сылин! Простите, что заставил ждать.

⁵ Сяоцзе (кит. 姣姣) — «барышня, девушка, мисс» (обращение).

⁶ Сылин (кит. 司令) — «командир, командующий».

Он появился в крохотной прихожей, неуклюже поправляя военный китель. Нянь Цзи оставила дверь и беспомощно отступила вглубь прихожей. Она пропустила брата вперёд, но он замер напротив и взял её за руку. Он посмотрел так, словно просил простить его за глубокую обиду. На несколько долгих секунд стало тихо, пока голос вновь не подал командующий Цзян:

— Времени не осталось, Хоу Лэ Нин.

Тут же, будто в подтверждение, за его спиной хлопнула дверца чёрного автомобиля. Военный шофёр вышел покурить. Лэ Нин тогда сильнее сжал руку сестры вспотевшими пальцами, а потом отпустил.

— Я готов, — твёрдо сказал он, всем телом повернувшись к командующему Цзян, но не успел сделать и шагу, ведь Нянь Цзи припала щекой к его спине и сцепила пальцы на его животе.

— Поторопись, — вдруг понимающе произнёс командующий и направился к автомобилю.

Лишь когда они с шофёром скрылись за зашторенными окнами автомобиля, Лэ Нин позволил себе распрощаться с сестрой со всеми чувствами. С лёгкостью расцепив её пальцы, он развернулся и обнял её так крепко, что на мгновение она лишилась воздуха. Несколько минут простояли они в объятиях, однако это время показалось им секундами. Когда Лэ Нин осторожно отодвинул Нянь Цзи за плечи, он заглянул в её красные заплаканные глаза, и губы его трону-

ла улыбка. Но она тут же померкла, как едва уловимый солнечный блик, отразившийся в зеркальце велосипеда. Внутренние уголки бровей Лэ Нина невольно потянулись вверх, а уголки рта опустились. Приглушённым голосом он признался:

— Мне так страшно, цзецзе.

Нянь Цзи боялась это услышать. Она привстала на носочках, обхватила Лэ Нина за голову и расцеловала всё лицо ему ото лба до подбородка. Она целовала его в брови, веки, щёки, губы, поила солёными слезами и всё бормотала, как утешавшая рассудок:

— Милый мой А-Нин! Дорогой мой! Родненький, любимый! Диди⁷!..

Но пришло время расставаться. Шофёр нетерпеливо надавил на клаксон, и от громкого гудка Нянь Цзи дёрнулась, чуть не упав. Брат придержал её за плечи. Он горько, но со спокойной улыбкой сказал:

— Пожалуйста, не волнуйся так сильно, цзецзе, ведь всего через год мы увидимся снова, — и только после убрал горячие руки с её плеч.

Нянь Цзи показалось, что наступил морозный зимний день, но она кивнула, едва просветлев.

— Да, А-Нин, ты прав...

Снова раздался гудок.

— Поторапливайтесь там! — раздражённо бросил шофёр

⁷ Диди (кит. ##) — «младший брат, братик».

и уронил под автомобиль окурок.

Брат и сестра обнялись в последний раз, и Лэ Нин, прихватив две крупные тканевые сумки, направился к автомобилю. Командующий Цзян любезно открыл перед ним дверцу и помог поставить сумки на заднее сиденье, жестом приглашая садиться. Однако Лэ Нин помедлил, чтобы обернуться к Нянь Цзи и помахать ей. Она махнула в ответ, стараясь не расплакаться, и выдавила улыбку. Ей хотелось, чтобы брат запомнил счастливую старшую сестрицу, которая будет всегда ждать его.

Лэ Нин скрылся в автомобиле. Командующий Цзян вдруг отодвинул шторку, и теперь Нянь Цзи видела козырёк фуражки Лэ Нина, выглядывающий из-за лица командующего Цзян. На командующего Нянь Цзи не смотрела, однако он почувствовал её взгляд и обратил к ней внимание прежде, чем обо всём догадался. Тогда Нянь Цзи ответила ему; глаза её блеснули, подобные отражению ночного неба в воде. Она моргнула, и по щекам её покатились слёзы. Мгновение спустя автомобиль тронулся, и командующий Цзян с Нянь Цзи неотрывно глядели друг друга, а после её окружила пустота.

В неестественной тишине Нянь Цзи уловила хлопанье обуви о размытую землю и устремила в ту сторону взор. Молодая соседка несла молоко и свежие яйца своему жениху, который недавно вернулся с очередного инцидента инвалидом. Нянь Цзи стало дурно, но только автомобиль окончательно скрылся впереди по дороге, как соседка подошла к

ней и глумливо воскликнула:

— Какова важность! Сам сылин приехал за твоим умником! А когда моего жениха забирали, эти нелюди вытащили его прямиком из койки и утащили, даже не дав забрать вещи! Сказали, если ему так нужно шмотьё, тогда пусть верно служит стране и зарабатывает деньги!

Нянь Цзи будто нечем было дышать. На соседку она даже не взглянула, но вовсе не от желания обидеть, развернулась и исчезла в доме.

Несколько часов спустя дом был вымыт так, что деревянный пол показывал Нянь Цзи отражение, а посуда сверкала от солнечного света, проникающего через открытое окно из рисовой бумаги. Но Нянь Цзи не чувствовала усталости. Она сидела на полу перед закрытыми дверьми в комнату Лэ Нина и не решалась войти. Она хотела прибраться в ней до этого часа, однако сейчас было слишком поздно, и она не могла больше притворяться, что Лэ Нин просто ушёл в университет. Примерно в это время он приходил домой и рассказывал ей о всяком, что видел и слышал в Яньчжоу. Он каждый раз заставлял её с интересом внимать ему и улыбаться, пока она готовит обед.

Лэ Нин рассказывал о том, как стали одеваться люди в Яньчжоу за последние три года — с тех пор, как им с Нянь

Цзи пришлось переехать в ближайшую к городу деревню. Он говорил, что очень многие одевались теперь на западный манер, как в Шанхае. Так было и раньше, но Лэ Нин убеждал, что теперь встретить женщину в ципао⁸ или тем более мужчину в танчжуан⁹ стало не так просто. Тогда Нянь Цзи невольно поглядела на своё старое грязно-розовое ципао без узоров: одно из немногих, что не пришлось продавать после гибели матери и отца, и в следующий раз проникательный Лэ Нин привёз ей дорогой французский халат из чёрного шёлка, что от воротника до подола был изрисован цветными розами. Лэ Нин пообещал, что подарит сестре очень много одежды, однако с тех пор прошло совсем мало времени, и в шкафу всё ещё пылились лишь старые китайские наряды матери.

Иногда Лэ Нин влетал в дом и живо пересказывал сестре лекции и возмущался тому, чего не мог понять сразу. Он говорил, что его учат глупостям и принимают за дурака. А потом к вечеру он выходил из комнаты, снимал круглые очки и, посмеиваясь, облегчённо выдыхал. Он принимался описывать свои учения, объясняя Нянь Цзи всё, до чего только что додумался сам. Она слушала его внимательно, хотя ей казалось, что половину он говорил на другом языке. И по-

⁸ Ципао (кит. ##) — распространённое в Китае длинное женское платье, которое первоначально носили маньчжурские женщины.

⁹ Танчжуан (кит. ##) — разновидность китайской куртки маньчжурского происхождения.

сле, словно выпустив пар, Лэ Нин вновь исчезал в комнате и до самой ночи всё читал, читал, читал... Нянь Цзи время от времени приносила ему молоко и фрукты, и он отвлекался лишь за тем, чтобы её поблагодарить.

Лэ Нин часто привозил газеты и отдавал их сестре. Однажды она простодушно спросила, подобно любопытному ребёнку, почему в газетах так много пишут о жутких стычках китайской и японской армий. Лэ Нин с потерянным видом отвечал, что ничего об это мне знает, и прятался в комнате.

Сегодня Лэ Нин не вернулся. Нянь Цзи вытерла ладонями щёки и поднялась с пола, так и не притронувшись к дверям в его комнату.

На следующий день ранним утром она отправилась на место захоронения родителей. Местом этим была безлюдная полянка в лесу.

Нянь Цзи смела с могил жёлтые листья и вместо них поставила свежие фрукты, зажгла благовония и долго молча смотрела на плиты с иероглифами «Хоу Кай Чэн» и «Ляо Ми Янь», значащими имена её родителей.

Нянь Цзи так и не раскрыла рта. Кроме вещей, которые она считала постыдными и недостойными упоминания, ведь могли они лишь потревожить успокоившееся души её несчастных родителей, ей больше нечего было сказать. По-

клонившись родителям, она побрела домой.

Следующие несколько недель стали для Нянь Цзи настоящей пыткой. В первое же одинокое утро она рассеянно поняла, что не может найти старую серебряную заклепку с прекрасной алой розой, что когда-то в детстве подарил ей отец. Она решила, что потеряла её.

Последующие дни Нянь Цзи готовила завтрак на двоих, забывая, что вторая миска никому не нужна, и ей приходилось высыпать рис обратно в кастрюлю.

На второй неделе она начала засыпать и просыпаться на несколько часов позже, чем обычно. Под глазами её заиграли синяки, а про усталость она день ото дня не могла забыть.

К концу ноября Нянь Цзи исхудала так, что грязно-розовое ципао мамы, которое ещё недавно было ей идеально по размеру, теперь висело на ней, словно на ребёнке. Некогда живое лицо её со здоровым румянцем и насыщенными тонкими губами цветом походило теперь на лунный диск.

ГЛАВА II

Так прошло больше месяца. За последние дни сильно похолодало. За окном моросил дождь, а небо напоминало матовую каменную плиту.

Нянь Цзи сидела на кухне с пригласительным письмом, которое ей несколькими минутами ранее вручил мальчишка-почтальон. Это семья Цзян приглашала Нянь Цзи на приём в честь дня рождения младшего сына.

Семью Цзян Нянь Цзи имела возможность узнать благодаря отцу, который служил командующим восточного отряда армии провинции Цзянсу в подчинении её главнокомандующего — Цзян Гу Цзиня. В прошлом семья Хоу несколько раз была в поместье Цзян, однако из всей семьи Нянь Цзи помнила лишь самого господина Цзян, лицо которого в памяти её всплывало с выражением жуткой отчуждённости и будто насмешки, его супругу госпожу Ли, а также их единственную дочь Цзян Жуй Сянь. Их отношения с Жуй Сянь можно было назвать дружбой. Впрочем, это поддавалось сомнению с тех пор, как погибли господин Хоу и госпожа Ляо, ведь Цзян Жуй Сянь ни разу не ответила на те письма, что Нянь Цзи с надеждой ей писала до осознания её равнодушия.

После непродолжительных дум Нянь Цзи догадалась, что командующий Цзян, забравший Лэ Нина, вероятно, происходил из этой самой семьи. Этим объяснялось и его нефор-

мальное обращение. Нянь Цзи знала, что в военной академии её брат тесно сдружился с молодым господином Цзян, который на момент поступления Лэ Нина учился на последнем году. До встречи в военной академии они уже встречались в поместье Цзян, но сама Нянь Цзи видела молодого господина Цзян лишь единожды, когда была ещё маленькой. Однако теперь она была почти уверена, что именно он забрал Лэ Нина.

Каждое мгновение Нянь Цзи жила в страхе, и даже сейчас её пальцы дрожали. Когда мальчишка-почтальон вручил ей письмо-приглашение, она невольно подумала, что это скорбное письмо о Лэ Нине. Мальчишка знал Нянь Цзи, как все жители деревни Чэньлу знали друг друга, а потому пожалел её, ведь слышал и о том, что «умника Хоу Лэ Нина» забрали в армию. Он успокоил её, предупредив, что это всего лишь письмо-приглашение, и объяснил, как бы невзначай, что скорбные письма не приходят просто так: подъезжая к дому, почтальон трезвонит в колокольчик. И мальчишка уехал, пожелав Нянь Цзи хорошего дня.

За не столь продолжительную службу Лэ Нина Нянь Цзи получила от него всего два письма, в которых он уверял, что у него всё хорошо. Последнее пришло около двух недель назад.

Была почти зима, и Нянь Цзи отправила брату тёплую одежду. Однако она волновалась, что её посылки не доходят до него, а до неё — его письма. Она изводила себя мысля-

ми о том, что, быть может, Лэ Нин так изматывается, что на письма у него не остаётся сил. О том, что он ранен и не желает огорчать сестру, но не может и соврать. И о том, что нет у неё больше никакого брата, а сообщить ей об этом забыли.

Нянь Цзи устала тосковать в тихой деревне совсем одна. Ей казалось, что столь длительное тревожное ожидание может лишить её рассудка, потому тремя днями позже собиралась на приём к семье Цзян. Нянь Цзи ощущала непривычную слабость в теле и иногда заходилась лёгким кашлем, однако решила не пренебрегать приглашением. Теперь у неё был повод отправиться в Яньчжоу, и она подумала, что вполне могла бы устроиться в городе, пока Лэ Нин не вернётся.

Три дня спустя длинные и прямые чёрные, как чернила, волосы Нянь Цзи собрала в аккуратный пучок, украсив его нефритовой длинной шпилькой, и на виске зафиксировала волнообразную чёлку. Она надела самое нарядное из имеющихся ципао: тропически-зелёное с яркими цветами разных величин. Лицо она сделала белым, а брови угольно-чёрными, длинными и тоненькими. Губы играли красным в цвет большинству цветов на ципао. Теперь она выглядела как раньше: роскошно и беззаботно. Ей лишь пришлось незаметно подобрать ципао булавками внутри на боку, чтобы оно не висело на её худощавом теле, как мешок.

Нянь Цзи достала с верхней полки шкафа маленький игрушечный самолёт, который Лэ Нину подарили, когда он был ребёнком. Недостатка в игрушках у него не было, потому самолёт был им почти не тронут. Нянь Цзи заботливо сложила его в узорчатую шкатулку вместе с письмом-приглашением и прихватила её с собой.

Накинув длинное тёмно-зелёное пальто и укутавшись в гладкий платок, разукрашенный цветами, Нянь Цзи не спеша зашагала к дороге на окраине деревни. Её давно не видели на улице, тем более одетой столь элегантно, а потому многие любопытные взоры провожали её. Она держала спину прямо, но ей было сложно идти. У неё воспалилось горло, а ноги стали будто ватными.

Через пару десятков минут, оставив деревню позади, Нянь Цзи села на скамейку у дороги. В тишине она дожидалась один из военных грузовиков, которые каждый день на пути в Яньчжоу из Нанкина проезжали мимо Чэньлу. Уже была почти зима, а потому Нянь Цзи быстро замёрзла. Небо заволокли мрачные тучи. Она смотрела на них и думала, что и Лэ Нин мог ими любоваться. Было так тихо, словно она осталась в одиночестве посреди огромного поля.

Вскоре дальше по дороге появился грузовик. Подъехав, водитель притормозил, чтобы подкинуть Нянь Цзи до Яньчжоу. Так она отправилась из деревни впервые за пять лет, однако событие это не вызывало в ней никаких чувств. Грузовик неуютно трясся на неровной дороге. Нянь Цзи сидела

и глядела в окно, подперев щёку кулачком. Она без интереса взираала на поля, открывающиеся перед ней. Она предпочла бы и дальше провожать в город брата, а не ехать туда самой. По крайней мере, так должно было оставаться сейчас и ещё в течение нескольких лет, однако так более не было, и Нянь Цзи никак не могла с этим смириться.

К удаче для неё, которой негде было остановиться в городе, они приехала как раз к началу приёма. Поймав рикшу, Нянь Цзи отправилась к поместью Цзян, располагавшемуся ближе к окраине города, где играла яркими красками вечно-зелёная листва и царила большую часть времени безмятежная тишина.

Много лет назад Нянь Цзи была в этом поместье последний раз, а потому не совсем узнала большой наполовину традиционный, наполовину европейский дом с обширными загнутыми крышами и гладким бежевым фасадом, что окружён был высоким каменным забором, из-за которого выглядывали макушки цветных деревьев сада семьи Цзян.

Рикша остановился у открытых ворот. Нянь Цзи заплатила ему и сошла на ровную землю. Выглянуло солнце, освещающая тёплым светом улицу, и поместье вдруг показалось Нянь Цзи приветливым. Брови её разгладились, и уголки рта приподнялись. Нянь Цзи хотела полагать, что каким-то чудесным образом вернулась на годы назад, и сейчас просто приехала гостить к Цзян Жуй Сянь, пока отец и мать ведут беседы с господином Цзян и его женой, а Лэ Нин играет на зад-

нем дворе с молодым господином Цзян.

Помимо неё у ворот к поместью были и другие гости, прибывшие либо на рикшах, либо на блестящих под солнцем автомобилях. И все эти гости так же спешили к воротам, желая поскорее попасть на приём семьи Цзян и поздравить с девятым днём рождения младшего сына своего главнокомандующего.

Наконец Нянь Цзи оказалась внутри поместья, прежде прошагав по широкой дорожке из гравия, показала поприветствовавшему слуге приглашение и повесила пальто в прихожей.

Внутри поместье сверкало и блистало. Высокие позолоченные стены главного зала, где и собирались все гости, украшали вырезанные из красной бумаги животные: свиньи, зайцы, львы, кошки и драконы. В каждом углу красовались пышные живые цветы. С двух огромных люстр на потолке и многочисленных настенных канделябров свисала серебряная мишура, напоминавшая стену дождя. Как давно Нянь Цзи не бывала на подобных приёмах! Сияние украшенного зала даже ослепило её в первые мгновения. Остальные гости, привыкшие к подобным приёмам, заняты были друг другом в ожидании хозяев поместья.

Юноши-официанты в белых фраках сновали по залу,

предлагая гостям напитки в высоких бокалах, но Нянь Цзи не стала ничего брать. От неизвестного волнения она была не прочь немного выпить, но голова её слегка кружилась, и она чувствовала слабую тошноту. Несколько растерянная, Нянь Цзи даже не предполагала, что собирается делать, пока вдруг не увидала среди гостей Цзян Жуи Сянь. Была Жуи Сянь хрупкой девушкой среднего роста. Чёрные волосы её длиною были чуть выше плеч и слегка вились, напоминая волны. Лицо у неё было худым и слегка вытянутым, губы пухлыми, а ровный нос крупноватым; глаза же её большие светились так, как они обычно светятся у беззаботного счастливого человека. Жуи Сянь непринуждённо болтала с двумя гостями.

Нянь Цзи дождалась, пока Жуи Сянь завершит беседу, и после направилась к ней, но та сама её заметила и, распахнув глаза, поспешила навстречу. Нянь Цзи имела основания считать, что Жуи Сянь совершенно к ней равнодушна, однако теперь уже не была в этом так уверена, ведь выглядела та виноватой, пряча глаза и нервно перебирая пальцы на уровне плоского живота. Остановившись напротив Нянь Цзи, Жуи Сянь проямлила:

— Нянь Цзи... хорошо, что ты всё-таки приехала.

Нянь Цзи не узнала её голоса. Она изумлённо переспросила:

— Неужели ты ждала меня?

— Ждала, — признала Жуи Сянь. Она открыла было рот в желании добавить что-то ещё, но её прервали громкие ап-

лодисменты.

Девушки одновременно повернули головы к небольшой сценке в противоположной части зала, на которой крепился к длинной стойке микрофон. Оказалось, что это господин Цзян с женой и двумя сыновьями наконец появился. Нянь Цзи и Жуй Сянь стояли почти в конце зала, а потому младшего сына за спинами многочисленных гостей им видно не было, зато Нянь Цзи сразу узнала в высоком крепком мужчине с пышными усами господина Цзян, в невысокого роста женщине с собранными густыми волосами и в оранжевом ципао с короткой шубкой, его супругу, госпожу Ли, а в молодом широкоплечем мужчине лет двадцати шести со стриженными тёмно-каштановыми волосами, что был с господином Цзян одного роста, его старшего сына. Нянь Цзи незамедлительно узнала в нём «командующего Цзян» и отвернулась, а в груди у неё сдавило, будто кто-то сжал в кулаке сердце.

Господин Цзян, весело смеясь, поблагодарил гостей за то, что они пришли, а после начал поздравлять сына с днём рождения. Получив подарок от отца, мальчик, стесняясь, выкрикнул «спасибо» и убежал со сценки к другим детям. Господин Цзян ещё немного поговорил о тех хороших вещах, которые ему принёс год с прошлого дня рождения младшего сына. Когда Нянь Цзи вновь осмелилась посмотреть на сценку, она увидела, как господин Цзян потянулся к супруге в желании её обнять, однако та, криво улыбнувшись, отсту-

пила. Господин Цзян неловко усмехнулся и продолжил говорить, а, кончив речь, внезапно направился к Жуй Сянь и Нянь Цзи, что обе встретили не без изумления.

Когда он остановился перед ними, у Нянь Цзи безумно заколотилось сердце, будто перед ней скалил зубы голодный тигр. В это же мгновение ноги перестали её держать, и она пошатнулась, но господин Цзян ловко придержал её за локоть.

— Хоу Нянь Цзи... — протянул он, заглядывая ей в лицо.
— Ты плохо себя чувствуешь?

— Простите, Цзян-сяньшэн¹⁰, — выдавила Нянь Цзи и отстранилась от него. Лицо его стало перед ней размытым пятном. — Я всего лишь не выпалась.

— Действительно? — недоверчиво переспросил он и повернулся к Жуй Сянь, — Вэнь Яо ещё не здесь?

— Я не видела его.

— Тогда позаботься о Хоу Нянь Цзи до его прихода, я должен отойти.

— С радостью, дие¹¹.

Господин Цзян странно поглядел на Нянь Цзи, словно что-то взвешивая, но лишь коротко извинился и направился к выходу, где его дожидался угрюмый усатый японец в чёрном костюме, с которым в следующую минуту они удалились из зала.

¹⁰ Сяньшэн (кит. ##) — «господин, мистер».

¹¹ Дие (кит. #) — «отец, папа».

Нянь Цзи обратилась к Жуи Сянь с вопросом:

— Отчего же мы ждём Цзян-гунцзы¹²?

— Он говорил, что ему нужно сказать тебе что-то важное.

— Но что же он может сказать? — удивилась Нянь Цзи.

— Мы ведь едва знакомы.

— Кажется, это касается твоего брата. Месяц назад я видела его здесь... Но я не хочу тебя обманывать, поэтому больше не спрашивай меня, я совсем ничего не знаю. К тому же Вэнь Яо предупредил, что должен сам поговорить с тобой.

Нянь Цзи меньше всего хотела встречи с ним, но вместе с тем ей было интересно, что такого он может поведать, потому и противиться этой встрече она не стала.

Между ними повисла пауза, и Нянь Цзи наконец вспомнила про шкатулку, которую прихватила с собой из кармана пальто. Она протянула её Жуи Сянь и сказала:

— В таком случае, прошу, возьми это.

— Что это?

— Подарок твоему младшему брату.

— Ах, Нянь Цзи, лучше отдай его матушке!

Вместе они нашли госпожу Ли. Вблизи Нянь Цзи увидела, что эта женщина даже спустя пять лет оставалась такой же красивой и изящной. Её лицо было круглым, как тарелка, брови прямыми и острыми, как кинжалы, а маленькие глаза тёмными и глубокими, как донья колодцев. Она тепло поприветствовала девушек, и Нянь Цзи отдала ей подарок.

¹² Гунцзы (кит. ##) — «молодой господин», сын влиятельного лица.

Госпожа Ли ласково улыбнулась, и морщинки отчётливо заиграли в уголках её глаз. Она сказала, и голос её был низким и мелодичным, точно шуршание ветвей в верхушках деревьев:

— Нянь Цзи, ты так мила. Сяо-Фану¹³ обязательно понравится твой подарок.

Нянь Цзи кротко улыбнулась и поблагодарила её. Вдруг госпожа Ли заметила, что вернулся помрачневший господин Цзян, и поспешила к нему. Вместе они отошли от гостей и начали что-то тихо обсуждать, и тут же по залу разлилась медленная чарующая мелодия на пианино, будто специально заглушая их голоса.

Нянь Цзи чувствовала себя всё хуже, поэтому обратилась к Жуй Сянь с просьбой найти уединённое место для отдыха.

— Ты хочешь сбежать? — расстроилась та. — А как же танцы?

Нянь Цзи было отказалась, но не успела, ведь Жуй Сянь помахала кому-то за её спиной. Обернувшись, Нянь Цзи увидела её старшего брата, именем которого было «Цзян Вэнь Яо», как она могла выяснить ранее. Лицо его серьёзное и мрачноватое имело в себе ещё одно невыразимое чувство, сокрытое смелым и вполне живым взглядом больших глаз. Кожа его была чистой и слегка загорелой, нос крупноватым и ровным, а губы длинными и не совсем тонкими. Едва ли

¹³ Сяо (кит. #) — «маленький». Здесь как уменьшительно-ласкательное обращение к другу/ родственнику младше.

можно было не найти его похожим на господина Цзян, его отца, но только если бы тот был гораздо моложе и не носил усы. Нянь Цзи быстро отвела взгляд, Жуй Сянь же обратилась к брату:

— Ты здесь, гэ14¹⁴.

Остановившись напротив девушек, Цзян Вэнь Яо поприветствовал их, а после сказал, всем телом повернувшись к Нянь Цзи:

— Хорошо, что вы пришли, Хоу-сяоцзе.

В голосе его низким и бархатным слышалось странное облегчение. Вэнь Яо имел невозмутимый вид, но всё же руки скрывал за спиной и упорно не глядел Нянь Цзи в глаза.

— Неужели это вы пригласили меня? — с внешним спокойствием предположила она.

— Вы правы, но можете считать, что вас пригласил Лэ Нин, — заявил Вэнь Яо и в следующую же секунду сказал, едва не перебив самого себя, — Должно быть, вы помните меня?

— Простите, но я не помню. Но разве мы не встречались пять лет назад? — со всей учтивостью ответила Нянь Цзи.

— Это... не совсем так, — с паузой проговорил Вэнь Яо. — В прошлом мы с Лэ Нином любили проводить время на заднем дворе этого поместья, куда вы, девочки, заходили очень редко. Зато мы убегали на второй этаж, чтобы посмотреть, чем занимаетесь вы. Поэтому я давно вас знаю, Хоу-

¹⁴ Гэгэ (гэ) (кит. ##) — «старший брат».

сяоцзе... но вы не можете знать меня. Но впервые мы по-настоящему встретились несколько недель назад, разве вы забыли?

— Где же мы могли встретиться? Неужели вы были в Чэньлу?

— Был, — будто нехотя подтвердил Вэнь Яо и наконец взглянул на неё. Он помедлил, прежде чем спросить ещё раз, — Теперь вы можете вспомнить меня?

Его лицо служило Нянь Цзи напоминанием о дне, когда Лэ Нин надолго покинул дом. Теперь она отчётливо вспомнила, как он смотрел на неё из окна автомобиля: виновато и почти с жалостью. Хотя, быть может, таковым она рисовала его в воображении.

— Нет, простите, Цзян-гунцзы, но я совсем вас не помню, — соврала она и обратилась к Жуй Сянь, — Пожалуйста, проводи меня, Жуй Сянь.

Вэнь Яо несколько растерянно опустил голову. Жуй Сянь странно взглянула на него, но ничего не сказала и взяла Нянь Цзи под руку. Они уже развернулись, чтобы уйти, как Вэнь Яо, будто только решившись, позвал:

— Хоу-сяоцзе!..

Нянь Цзи нашла невежливым его проигнорировать, а потому обернулась.

— Я был бы счастлив, если бы вы согласились потанцевать со мной, — с некоторой робостью предложил он.

Ей не составило труда отказать, сославшись на усталость.

К лёгкой душе её в этот раз она не соврала. Вэнь Яо не выразил ни единой откровенной эмоции, тем не менее, плечи его слегка опустились, а руки он не знал куда деть.

Жуй Сянь и Нянь Цзи вновь собрались уходить, но их задержала подошедшая госпожа Ли:

— Вэнь Яо, ты уже поговорил с Нянь Цзи?

— Похоже, Хоу-сяоцзе слишком устала для разговоров, нян¹⁵, — сухо ответил Вэнь Яо. — Сяо-Фана я уже поздравил. Мне нужно ехать в Сидайн, так что передай отцу, что я уехал. И, возможно, на ночь я останусь там.

— Но как же Нянь Цзи?..

— Пусть до завтра останется у нас, — вполне уверенно сказал он. — Тогда я ей всё объясню. Ты должна знать, как много дел в Сидайне в последнее время.

Нянь Цзи не стала спорить и даже обрадовалась возможности остаться хоть на одну ночь в Яньчжоу.

— Я понимаю, — не скрывая разочарования согласилась госпожа Ли. — Но даже если так, всё же постарайся вернуться домой. Сегодня мы будем ужинать вместе с Нянь Цзи, и я хотела бы видеть тебя вечером.

— Я постараюсь, — сказал Вэнь Яо.

Вежливо попрощавшись, он ушёл. Нянь Цзи чуть не осела на пол, но госпожа Ли приобняла её за плечи:

— Так ты устала? Пойдём, я прикажу приготовить тебе комнату, и ты поспишь, хорошо?

¹⁵ Нянь (кит. #) — «мать, матушка».

У Нянь Цзи закружилась голова, и она ответила не сразу:
— Ли-фужэнь¹⁶, спасибо за вашу доброту.

— Ох, не зови меня так! — воскликнула госпожа Ли. —
Зови меня «Ли-ай¹⁷», а я буду звать тебя «Цзи-эр¹⁸», ты
согласна?

Она говорила столь искренне, что Нянь Цзи совсем не хотела ей отказывать.

— Хорошо, Ли-ай.

— Да, так гораздо лучше, Цзи-эр.

Госпожа Ли погладила её по плечу и повела за собой, но путь до комнаты Нянь Цзи не запомнила. Теперь все мысли её посвящены были загадочным словам Вэнь Яо о том, что это приглашение она получила от Лэ Нина. Ей не терпелось услышать хоть какие-то новости о брате, но с каждой минутой она чувствовала себя всё хуже, и, если бы говорила с Вэнь Яо сейчас, вряд ли поняла всю сущность беседы, потому и не сожалела о его уходе.

¹⁶ Фужэнь (кит. ##) — «госпожа, мадам, миссис».

¹⁷ Ай (кит. ##) — «тётя, тётушка».

¹⁸ Эр (кит. #) — суффикс имён существительных. Здесь с уменьшительно-ласкательным значением.

ГЛАВА III

Через несколько часов в дверь светлой комнаты, куда госпожа Ли отвела Нянь Цзи, постучали. Оставив письмо к Лэ Нину недописанным, Нянь Цзи поднялась из-за стола и открыла дверь, обнаружив на пороге розовощёкую Жуй Сянь: она была пьяна.

— Вэнь Фан такой очаровательный мальчик, Нянь Цзи! — воскликнула Жуй Сянь и рассмеялась так, будто прозвучала хорошая шутка. — Жаль, что ты так рано ушла! Детишки хотели поиграть со мной, но без тебя было совсем не то! Помнишь, как это было, правда? Когда мы дружили, и к нам приходили соседские дети, чтобы сыграть в «поймай дракона за хвост¹⁹»!..

— Жуй Сянь... — протянула Нянь Цзи, — ...ты в порядке?

— Конечно! Ты вступишь меня?

В ответ Нянь Цзи молча отступила. Жуй Сянь по-хозяйски вошла и плюхнулась на диван. Она рассмеялась, но вскоре смех сменился горькими слезами. Нянь Цзи опустилась рядом с нею и приобняла, надеясь хоть немного утешить, но Жуй Сянь лишь громче, словно получив позволение, разрыдалась, крепко прижавшись к Нянь Цзи.

¹⁹ Поймай дракона за хвост — китайская традиционная игра.

Постепенно рыдания обратились всхлипываниями. Жуй Сянь осторожно отстранилась от Нянь Цзи, и теперь её лицо было краснее яблока, а к влажным щекам и губам прилипли волосинки. Ласковым движением Нянь Цзи провела пальцем по её вискам, и Жуй Сянь не отводила от неё умоляющего взгляда.

— Я помню всё, Нянь Цзи, — хриплым голосом призналась она и вздохнула. — Я думала, что поступила правильно, но, встретив тебя сегодня, просто не могла перестать чувствовать себя виноватой... Почему ты не прогнала меня? Разве ты не ненавидишь меня?

— За что же мне тебя ненавидеть?

Жуй Сянь невесело усмехнулась.

— Я не хотела знать, что это за чувство — такая утрата! И я бросила тебя. Разве я не ужасный человек?

В прошлом Нянь Цзи было обидно, но обиду эту она уже забыла. К тому же пять лет назад они с Жуй Сянь были похожи, как сёстры, но как много изменилось с тех пор! Теперь лишь Жуй Сянь осталась той, кто не испытал никаких бед и лишений, и Нянь Цзи бы пожелала, чтобы так было всегда. Также она полагала, что человек, не раскаивающийся в неправильности своего поступка, предпочтёт ложь и избегание, а не признание вины. Жуй Сянь же сама к ней пришла, потому она ответила:

— Я надеюсь, что ты хороший человек. Спасибо, что пришла ко мне, Жуй Сянь. Это говорит мне о большем, чем всё,

что ты можешь сказать.

— Я не понимаю, почему ты не ненавидишь меня! — упёрто воскликнула та. — Я бы ненавидела себя. Если бы ты была мной, я бы ненавидела тебя! Ни за что бы не простила, а ты... Почему, Нянь Цзи?... Ты и правда не винишь меня?

— Это правда. Я бы хотела, чтобы всё было иначе, но тебя я ни в чём не виню.

Губы Жуй Сянь дёрнулись в улыбке, и она опустила голову на грудь Нянь Цзи. Та дышала размеренно, её сердце спокойно билось. Веки Жуй Сянь норовили опуститься, она тихо заплакала и пробубнила:

— Ты не винишь меня, но я себя виню... Если бы ты не вернулась, я бы веселилась больше всех... но я так рада, что ты здесь, — и едва слышно она добавила, — Интересно, что старший брат скажет тебе?..

Нянь Цзи подумала, что её интересует тот же вопрос. Она догадывалась о слабости Жуй Сянь, а потому старалась не шевелиться и не мешать ей засыпать. Вскоре Жуй Сянь в самом деле задремала, и Нянь Цзи, страдая от головной боли и ноющих ног, погрузилась в сон и сама.

Были они неловко разбужены служанкой, которая слегка потрясывала их за плечи, а потом одёргивала руку, словно от раскалённой печи. Когда Жуй Сянь первая сонно заморгала,

служанка проямлила:

— Сяоце... Ли-фужэнь зовёт вас с Хоу-сяоце на ужин. Ли-фужэнь просила передать, что уже даже Цзян-шао²⁰ вернулся.

— Брат вернулся? — переспросила Жуй Сянь, нахмурившись. — Сколько времени?

Служанка помялась, но ответила:

— Уже поздно, сяоце. Ли-фужэнь уже пару часов назад собиралась звать всех на ужин, но Цзян-шао ещё не вернулся, а ещё... Ли-фужэнь пришла за Хоу-сяоце, но увидела вас вместе и не стала будить.

— Передай матушке, что мы скоро придём, — приказала Жуй Сянь и добавила, — Можешь идти. Поможешь мне после ужина умыться.

Нянь Цзи отдохнула, потому чувствовала себя лучше. Поднявшись, она пригладила выбившиеся из пучка пряди и огладила ципао, чтобы оно ровно облегло талию и округлые бёдра. Жуй Сянь поправила блузку и причесалась.

Вскоре они спустились в золотую столовую, тут и там украшенную комнатными растениями. За длинным обеденным столом заседали все члены семьи Цзян. Во всяком случае, так представлялось Нянь Цзи. Однако она сразу заметила, что место слева от главы семьи — господина Цзян — и напротив госпожи Ли пустует, а Цзян Вэнь Яо занимает следующее. Она посчитала, что спрашивать об этом будет

²⁰ Шао (кит. ##) — «молодой господин» (в устах слуг).

слишком нагло, тем более вполне могла ошибаться в своём суждении о том, что Вэнь Яо всё же самый старший сын.

— Ах, Сянь-эр, Цзи-эр, наконец вы пришли! — обрадовалась госпожа Ли и указала Нянь Цзи на место рядом с собой.

Жуй Сянь устроилась справа от Нянь Цзи и улыбнулась сидящему напротив младшему брату, которому в день этот исполнилось девять лет. Младший брат её был хорош собой, пусть всё ещё очень мал: волосы его вились, кожа была гладкой и желтоватой, а на правой щеке красовалась яркая круглая родинка. Шёпотом Жуй Сянь объяснила, что звали его Вэнь Фаном. Мальчик разглядывал Нянь Цзи с робостью и любопытством, а всякий раз, когда она даже случайно глядела в его сторону, утыкался в тарелку и принимал самый невинный вид. Смущение его и неприкрытый интерес заставили Нянь Цзи улыбнуться.

Его старший брат же не пытался сделать вид, что её нет за столом. Господин Цзян не желал говорить о трагической гибели Хоу Кай Чэна на поле боя и последующей печальной смерти его жены, потому спрашивал, каково живётся в «грязной» деревне Чэньлу, где и как учился Хоу Лэ Нин после исключения из военной академии. Нянь Цзи удивилась, что ничего из этого ему не было известно, однако скромно отвечала на все вопросы, не замечая, как внимательно её слушает Вэнь Яо. Потом господин Цзян неожиданно справился о её здоровье, и она без раздумий ответила, что хорошо себя чувствует, однако была бледна, как мел, и голос её был ти-

хим, будто мучилась она от ноющей раны.

Служанки принесли десерт. Госпожа Ли подложила Нянь Цзи в тарелку рисовое пирожное и сказала:

— Угощайся, Цзи-эр. Пожалуйста, не бойся нас и не переживай ни о чём. В этом доме никто тебя не обидит.

Нянь Цзи поблагодарила её и надкусила пирожное. В блюдах на этом ужине не было ничего особенного, но ей они показались столь вкусными, словно их приготовили небожители.

По окончании ужина, когда за столом они с госпожой Ли остались вдвоём, Нянь Цзи скромно спросила:

— Ли-ай, но отчего вы так добры ко мне?

На лице госпожи Ли отразились материнская нежность и невыразимая печаль. Она пригладила Нянь Цзи волосы и ответила:

— Ты очень похожа на свою мать... ты её юная копия... — посмотрев в сторону, она негромко вздохнула. — Ты простудилась, Цзи-эр, но ты тепло одета. Скажи мне, ты больна из-за брата?

— Я не знаю, — только и смогла ответить та, будто бы ничего не чувствуя.

Госпожа Ли прижала её к себе и попросила отправляться в комнату и сразу ложиться спать.

— Тебе нужно хорошенько отдохнуть... Бедная девочка! Почему твоя матушка не обратилась ко мне с просьбой?.. Я бы позаботилась о тебе... Ляо Ми Янь всегда была жесто-

кой!.. Ладно, ступай, Цзи-эр, я попрошу приготовить тебе лекарство.

Она позвала служанку и велела отвести Нянь Цзи в светлую комнату, а чуть позже принести лекарство от простуды и стакан тёплой воды.

Однако Нянь Цзи ещё долго не могла уснуть, изнывая в мыслях о брате и невольно представляя, как однажды утром услышит жуткий звон почтальонского колокольчика и получит скорбное письмо о его гибели. Любая её радость, такая неважная, как вкусный ужин, и такая существенная, как благосклонность семьи Цзян, перекрывалась муками в мыслях и беспокойстве о Лэ Нине, точно как за тучами скрывалось солнце.

Потому следующим утром Нянь Цзи была не только вялой, но и сонной.

Юная миловидная служанка по имени Сяо Е, шелковистые волосы которой украшала заколка с голубой азалией, предложила ей наряды на выбор. Нянь Цзи растерялась, ведь вся одежда была европейского стиля, в котором она совсем не разбиралась. Заметив её заминку, служанка осмелилась предложить:

— Я могу принести ципао, если вам не нравится, сяоцзе.
Нянь Цзи не сдержала улыбки. Она была благодарна ей за

чуткость и без раздумий согласилась.

Сяо Е ушла и вернулась через время с несколькими платьями. Нянь Цзи выбрала длинное, тусклого светло-зелёного цвета ципао без узоров и рисунков. Оделась она сама, давно отвыкшая от помощи слуг, однако спросила у Сяо Е о её умении обращаться с волосами. Получив утвердительный ответ, она попросила собрать ей волосы в аккуратный пучок и уложить чёлку волной, и эту просьбу Сяо Е без пререканий исполнила.

Вместе они дошли до столовой, а после Сяо Е ушла. Нянь Цзи припозднилась, ведь за столом остались только госпожа Ли, Жуй Сянь и Вэнь Фан. Вэнь Фан, впрочем, убежал, стоило ему только её заметить.

— Не вини его за это, — после утреннего приветствия, попросила госпожа Ли. — Сяо-Фан просто стесняется такой прелестной девушки, как ты, Цзи-эр.

— Я не виню его, — улыбнулась Нянь Цзи.

Госпожа Ли бережно коснулась её волос и произнесла с некоторой тоской:

— Ты ещё так юна, Цзи-эр... Скажи мне, тебе ведь пришлось бросить «Девичью школу Яньчжоу»?

— Да, — негромко согласилась та. — Я не доучилась всего год.

— Я бы предложила тебе продолжить учиться, но в твоём возрасте в школы уже не берут...

— Нянь, перестань, — подала голос Жуй Сянь. — Пусть

Нянь Цзи хотя бы позавтракает. Ты бледна, Нянь Цзи, ты ещё не выздоровела? Вчера матушка рассказала мне, что ты простыла.

Нянь Цзи покачала головой:

— Мне уже лучше, я просто долго не могла уснуть.

Жуй Сянь оживилась:

— Тогда ты можешь читать Вэнь Фану сказки на ночь.

Уверяю тебя, это усыпит тебя лучше любой усталости!

Нянь Цзи было согласилась, но госпожа Ли одёрнула дочь:

— Не надо так говорить, Сянь-эр! — и снова обратилась к Нянь Цзи, — Завтракай, потом я хочу поговорить с тобой.

— Но, Ли-ай, — растерянно произнесла та, — а где же Цзян-гунцзы? Разве он не должен поговорить со мной о Лэ Нине?

— Я тоже удивилась, но Вэнь Яо сказал, что у него так много дел! Он уже уехал в Сидайн. Должно быть, он собирается поговорить с тобой вечером.

— Но когда же я вернусь в Чэньлу?

— Неужели ты хочешь вернуться?

Нянь Цзи не смела даже подумать о том, чтобы остаться в поместье Цзян, как, вполне очевидно, намекнула на это госпожа Ли, но её действительно не тянуло обратно в деревню. Тем не менее она не могла ответить ничего иного, кроме убеждения в том, что там её дом.

Услышав это, госпожа Ли заявила:

— Я заставлю Вэнь Яо поговорить с тобой сегодня, так

что можешь не волноваться. Когда выздоровеешь, сможешь вернуться домой.

После завтрака она отвела Нянь Цзи в маленькую гостиную, находящуюся по соседству со столовой. В гостиной этой были зелёные стены в полоску и одно огромное окно, сквозь которое солнечный свет падал на красный прямоугольный ковёр и щедро освещал всю комнату. По углам стояли высокие комнатные растения.

— Прежде, чем ты займёшься своими делами, я бы хотела тебе кое-что сказать, — не стала тянуть госпожа Ли, когда они устроились на тугом полосатом диванчике.

— Что же, Ли-ай?

Та взяла её ладони в свои, будто пытаясь их согреть. Пальцы госпожи Ли украшали золотые и серебряные кольца. Она слишком долго молчала, словно ей было тяжело говорить, но вскоре всё же начала:

— Ты мне нравишься, Цзи-эр. Ты напоминаешь мне Ляо-фужэнь... Если ты думаешь, что никто из нас не понимает твоей тоски по брату, то ты ошибаешься. Наверняка ты заметила вчера, что Вэнь Яо не занимал положенного ему места?

Нянь Цзи была смущена, но согласилась. Госпожа Ли удовлетворённо улыбнулась и продолжила:

— Ты, пожалуй, не знаешь, но у меня был ещё один сын. Жуй Ли был старшим братом для остальных моих детей, которые завтракают, обедают и ужинают вместе со мной. Много лет назад, когда Вэнь Яо был совсем мальчишкой, мой

первенец, мой миленький Жуй Ли, погиб. Муж отправил его в армию, но мой сыночек никогда оттуда не вернулся, — госпожа Ли выдержала паузу, будто справляясь с мукой. — Муж клялся мне, что не допустит его гибели, но их, совсем юных мальчиков, отправили прямо на смерть... Когда я узнала об этом, моё сердце так сильно болело днём и ночью!.. я вздрагивала каждый раз, когда получала почту. Больше всего на свете я мечтала вновь увидеть моего сыночка, но в один день муж отдал мне скорбное письмо, — госпожа Ли погладила костяшки Нянь Цзи, словно утешая её. — Прошло так много лет, но я до сих пор помню день, когда в последний раз видела моего милого Ли-эра... Мне кажется, будто это было только вчера, и мне так жаль, что тебе приходится переживать то же самое!.. Ах, если бы я только могла сделать что-нибудь и вернуть тебе брата!..

Тут она одёрнула руки и села вполоборота к Нянь Цзи. Та не находила слов.

— Я впервые слышу об этом... — только и смогла пробормотать она.

— Всё хорошо, Цзи-эр, я никогда не любила рассказывать об этом... Пожалуй, только Ляо-фужэнь об этом и знала.

Госпожа Ли шмыгнула и позвала служанку, чтобы та подала ей платок. Немного помолчав, чтобы вернуть прежний ровный голос, она призналась:

— Прости меня за это, но вчера я прочла твоё письмо к Лэ Нину.

Нянь Цзи не видела в этом ничего дурного, но отчего-то ей сделалось даже приятно. Госпожа Ли мягко вздохнула и сказала, что именно из-за этого не стала их с Жуй Сянь будить. Затем она спросила, впрочем, с убеждённостью:

— Цзи-эр, брат занимает все твои мысли, разве не так?

Нянь Цзи слабо кивнула и шепнула:

— Не могу не думать о нём...

Госпожа Ли коснулась её горячей щеки:

— Ты нежная девочка, Цзи-эр. Я буду молиться за твоего брата. Лишь бы он вернулся невредимым!

Вечером того же дня Сяо Е передала Нянь Цзи, что Цзян Вэнь Яо ждёт её во внутреннем дворике. Не медля ни минуты, Нянь Цзи отправилась туда.

Во внутреннем дворике стояла у небольшого прудика беседка, в которой ожидал, сложив руки за спиной, Цзян Вэнь Яо. Было тихо, лишь вода журчала поблизости, ручейком утекая в Янцзы, и шелестела от лёгкого ветра трава. Небо было полно облаков, луну и звёзды почти не удавалось уловить взглядом.

Нянь Цзи ступила на деревянный пол беседки, и Вэнь Яо резко обернулся. На лице его промелькнул испуг, но вот уже оно украсилось выражением беспристрастного спокойствия. Вэнь Яо был на голову выше Нянь Цзи, и едва ли она чув-

ствовала себя комфортно в его обществе. Тем не менее виду, что ей хочется испариться с его глаз, она не подавала.

— Прошу прощения у Цзян-гунцзы за то, что нам не удалось поговорить на дне рождения вашего брата, — с чопорной вежливостью изрекла она.

— Это не стоит ваших извинений, — твёрдо заявил Вэнь Яо. — Пожалуй, это мне следует их произнести, ведь это именно я увёз Лэ Нина. Я знаю, что вы вспомнили меня, Хоу-сяоцзе... Вы хотите знать, почему я сказал, что это Лэ Нин пригласил вас сюда?

— Да, — только и ответила Нянь Цзи. Она была смущена и даже не заметила, как обняла себя за локоть.

— Я обещал Лэ Нину, что защищу вас. Он попросил меня позаботиться о вас, пока его не будет, поэтому предложил вам остаться в Яньчжоу, прямо здесь.

— Но почему вы всё же говорите мне это? Неужели вы готовы обременить себя заботой обо мне на целый год только из-за слов моего брата?

Вэнь Яо с первого взгляда производил впечатление непроницаемого солдата, однако некая немая эмоция на секунду украсила его лицо и заставила Нянь Цзи усомниться в его непоколебимости и бесстрашии.

— Он мой друг, — наконец сказал Вэнь Яо. — С тех пор, как Хоу-сяньшэн и Ляо-фужэнь погибли, я считал своей обязанностью помогать вам. Прошу, примите это приглашение. Лэ Нин не может позволить вам оставаться одной.

Нянь Цзи не стала обманывать саму себя, но от Вэнь Яо улыбку скрыла. Она не была столь дерзка, чтобы доставить своим присутствием хлопоты семье Цзян, однако теперь не стала отказываться от его предложения, ведь была склонна считать, что в Чэньлу без брата может сойти с ума.

— В таком случае я распоряжусь, чтобы из Чэньлу привезли все вещи, которые вы попросите, поэтому не беспокойтесь об этом, — осведомил Вэнь Яо.

— Спасибо вам, Цзян-гунцзы, — произнесла Нянь Цзи.

— Вам следует поблагодарить вашего брата, — отрезал он, будто с равнодушием, но теперь его лицо выглядело живее. — Что ж... Спокойной ночи, Хоу-сяоцзе.

Он ретировался быстрее, чем она успела хоть что-нибудь ответить. Оставшись одна, она открыто улыбнулась и поспешила в светлую комнату, чтобы приступить к письму для Лэ Нина, в котором весьма бурно выразила ему благодарность за то, что он всегда о ней думал и заботился.

ГЛАВА IV

Ближе к полудню следующего дня Сяо Е сообщила Нянь Цзи, что господин Цзян спрашивает, не пора ли посылать людей в деревню Чэньлу за её вещами. Об этом его попросил Вэнь Яо, всё ещё крайне занятый в Сидайне. Нянь Цзи тогда отправилась к господину Цзян с просьбой поехать и самой. Так ей было проще вспомнить, какие вещи стоило забрать, но более этого её волновало желание ещё раз увидеть старый дом перед длительной разлукой. У господина Цзян не было причин отказывать, потому уже через час Нянь Цзи, Сяо Е и несколько надёжных солдат из его армии были готовы отправляться.

Господин Цзян лично провожал их, но внезапно ему доложили, что один из военных шофёров, который задерживался, заболел. Тогда господину Цзян пришлось вызвать шофёра из армии Цзян Вэнь Яо. После этого он отправил Нянь Цзи, Сяо Е и своих солдат в деревню Чэньлу на двух подготовленных ранее автомобилях.

Никто ещё не знал, что поджидает их на пути назад, а путь в Чэньлу оказался донельзя скучным.

В середине пути Нянь Цзи с удивлением отметила, что

шофёр другого автомобиля, который был из армии Цзян Вэнь Яо, умело и будто со знанием объезжал ямы и даже не столь значительные кочки, а их шофёр из армии господина Цзян ориентировался гораздо хуже. От скуки размышляя об этом, Нянь Цзи вдруг осознала, отчего чёрные автомобили семьи Цзян показались ей такими знакомыми. Ведь раньше она часто видела их в Чэньлу! Но отчего же кто-то от семьи Цзян приезжал в деревню Чэньлу? *«Неужели Цзян-сяньшэн все эти годы заботился о нас с А-Нином?»* — подумала Нянь Цзи.

Однако предположению этому не суждено было подтвердиться, ведь в таком случае шофёр из армии господина Цзян знал бы эту дорогу не хуже шофёра из армии Цзян Вэнь Яо. Тогда она вспомнила разговор с Цзян Вэнь Яо, состоявшийся вчерашним днём. *«Неужели это был Цзян-гуңцзы?...»* — неуверенно предположила она и тут же подумала, — *«Похоже, их дружба с А-Нином крепче, чем я думала».*

Автомобиль трясся на плохой дороге, точно старая повозка, потому к концу поездки у Нянь Цзи закружилась голова. Покинув автомобиль, она не спешила собирать вещи, ведь прежде ей нестерпимо захотелось прогуляться. Воздух в деревне был морозный и свежий, потому у неё так и не разболелась голова. В этой короткой прогулке она показала Сяо Е узенькую речку, что уже покрылась тоненьким слоем льда.

— Я никогда не ходила по ней зимой, — сказала Нянь Цзи, всматриваясь вдаль; что таилось там, куда бежала реч-

ка, за высокими горами, заботливо хранящими меж склонов тусклое зимнее солнце?

Нянь Цзи не видела местного озера за загнутыми крышами домов. Через улицу грязь сменялась выложенной каменной дорогой, но Нянь Цзи так редко туда ходила, что не могла той улицы и вообразить.

— Как ты попала в семью Цзян? — обратилась она к молчавшей Сяо Е. — Ты так юна.

— Я недавно с семьёй Цзян, сяоцзе, — сдержанно отвечала та, не скрывая, что не хочет говорить. — Мои родители отправили меня сюда.

Нянь Цзи лишь кивнула и больше не стала докучать ей вопросами.

Голова совсем перестала болеть, поэтому Нянь Цзи отправилась в старый традиционный дом, который теперь казался ей совсем чужим, будто не она проживала в нём последние три года.

Она быстро собрала вещи, которые солдаты помогли сложить в автомобиль. Это были её платья, украшения, немногочисленные книги и записи, набор посуды для чайной церемонии и некоторые вещи Лэ Нина, которые она посчитала правильным забрать с собой. Она знала, что Лэ Нин по возвращении обрадуется своим учебникам, тетрадям и любимой одежде.

Солдаты не спешили покидать деревню Чэньлу, ведь в такой тряске и сами изрядно устали. Нянь Цзи не возражала,

не слишком желая терпеть ещё одну тяжёлую поездку всего через час после предыдущей.

Она не знала, вернётся ли ещё в Чэньлу, а потому решила пройтись с Сяо Е, которая вновь не обмолвилась с ней ни словом. Нянь Цзи не заставляла её говорить, ведь ей и самой нечего было сказать.

Они ступили на вымощенную камнем дорожку, попав на широкую главную улицу, где традиционные дома с глазурованной зелёной и красной черепицей на вытянутых крышах прятались за высокими каменными оградами. На улочке этой громкие продавцы зазывали в лавки, сновали частые прохожие по делам, и жила своей жизнью деревня Чэньлу. Но была она совсем не такой, какой её в памяти сохранила Нянь Цзи. Они с Лэ Нином проживали на окраине, а в центр забредали лишь изредка, ведь в этом не было нужды, потому она помнила её тихой и безмятежной. Настоящая же деревня Чэньлу была маленькой копией города Яньчжоу, не доставало только рельсов через всю главную улицу и звенящего трамвая, похожего на огромную пузатую гусеницу. На многих магазинах висели неоновые вывески, которые наверняка сияли в ночное время, точно дневной свет. Но это всё ещё была лишь «грязная» деревня Чэньлу, ведь не прошло и пары десятков минут, как Нянь Цзи с Сяо Е прошли главную улицу, и неоновые вывески пропали, вернулись деревянные дома и земляная дорога. Вновь стало спокойно и тихо. Нянь Цзи подумала, что им с братом следовало чаще гулять вме-

сте. Она молча просила прощения, но, заставляя сердце сжиматься, представляла на месте Сяо Е Лэ Нина. В эти краткие мгновения на её лице расцветала улыбка, однако тут же гасла, словно стремительно завядающий цветок.

— Надо вернуться, Сяо Е, — произнесла Нянь Цзи, когда они замерли у небольшого склона, ведущего каменной лестницей к озеру.

Только у самых берегов вода едва заледенела. Снизу раздавалась весёлые голоса и крики: дети играли у озера. Будто бы пустой взгляд Нянь Цзи был прикован к ним, и она молчала. Глянув на неё, Сяо Е открыла было рот, чтобы что-то сказать, но так и не сказала. И вскоре они молча вернулись.

Уже вечерело, когда отправились обратно. Путь предстоял длиною в один час. Нянь Цзи и Сяо Е ехали во втором автомобиле. Было спокойно и тихо, и только мотор шумел внутри автомобиля.

Сяо Е быстро задремала, а Нянь Цзи, пусть и устала, но не могла уснуть. Она глядела в окно, за которым мелькал, точно мазки серой краски, холодный лес, и думала о том, как резко изменилась её жизнь. Сейчас она, возможно, навсегда покидала деревню Чэньлу, но обстоятельства этого события заставляли её сердце тревожно биться. Нянь Цзи не могла перестать волноваться о брате, пусть и верила только в то,

что он обязательно вернётся, и они снова будут мирно жить вдвоём.

Она так глубоко задумалась, что вздрогнула, чуть не ударившись головой о стекло, когда совсем рядом прогремел оглушительный взрыв. Уши заложило, и Нянь Цзи не могла расслышать, что кричали им с расплакавшейся Сяо Е солдаты. Пламя в дыму запестрило впереди, всего в паре жалких метров от первого автомобиля. Раздались выстрелы, и трое из четырёх солдат выскочили вон, укрывшись за распахнутыми передними дверцами. Четвёртый же лишь на третий раз дозволялся Нянь Цзи, велев им с Сяо Е спрятаться за сиденьями и не высовываться.

Пули свистели и ударялись с резким металлическим звуком об автомобиль. Нянь Цзи зажала уши руками, зажмурилась, и каждый раз ей казалось, что пули проходят сквозь неё. Она часто вздрагивала: ещё чуть-чуть и кто-нибудь пробил бы стекло или пуля продырявила дверцу.

Нянь Цзи не знала, сколько прошло времени, когда раздались последние громкие выстрелы, и наступила оглушающая тишина, нарушаемая лишь противным звоном в ушах. Отняв руки от головы и чуть придя в себя, она выпрямилась и рассеянно обратилась к Сяо Е, пусть и сама тряслась, точно тонкая веточка в непогоду:

— Успокойся, перестань плакать!

— Вот война и пришла в Яньчжоу! — вскричала Сяо Е и с неистовой силой прижала к груди узелок с одеждой Лэ

Нина, будто он мог её защитить.

Нянь Цзи обратила внимание к солдатам, стараясь выровнять дыхание. Те настороженно всматривались в дым, растёкшийся впереди, и вдруг опустили пистолеты. Звон в ушах уже прошёл, потому она услышала, как хрустит песок под колёсами подъезжающего автомобиля. Сначала она перепугалась, решив, что это снова нападавшие, однако реакция солдат её успокоила: те, прежде оглянувшись, вышли из укрытия и предусмотрительно захлопнули дверцы, оставив Нянь Цзи возможность наблюдать из салона. Она перебралась на место Сяо Е, которая всё ещё сидела на полу и громко рыдала, и, отодвинув шторку, стала внимательно смотреть.

Круто подъехавший чёрный автомобиль определённо принадлежал семье Цзян. И действительно, с пассажирского сиденья вышел Цзян Вэнь Яо, распахнув дверцу с такой силой, что та могла бы намертво сбить летящую птицу. Одет он был в ярко-синего цвета военную форму, короткие волосы его скрывала того же цвета фуражка с эмблемой, на которой изображено было белое солнце с двенадцатью лучами на фоне синего неба. Талию Вэнь Яо обводил широкий уставной ремень, к которому крепилась ляжка через плечо, а на ляжке была кобура с пистолетом. Взгляд Вэнь Яо был острым, как клинок, губы плотно сжаты, а брови сдвинуты к переносице.

Он едва ли обратил внимание на солдат отца, но вместо этого произошло нечто совершенно иное. Вэнь Яо бегло огляделся, пока взор его не застыл на автомобиле, из кото-

рого за ним следила Нянь Цзи. К изумлению её, лицо Вэнь Яо в мгновение переменялось: вместо гнева обратился он в волнение, да столь сильное, что, казалось, уже ни о чём другом не мог и думать, когда направился на глазах у солдат отца и своих собственных к автомобилю с ней. Открыв заднюю дверцу, Вэнь Яо заставил себя произнести весьма сдержанно, дыша при этом тяжело и неровно:

— Хоу-сяоцзе, — и следом, пробежав по Нянь Цзи взглядом, с удивительной бережностью уточнил, — Вы не пострадали?

Та лишь ошарашенно покачала головой. За её спиной рыдания сменились сдавленными всхлипами, будто Сяо Е стеснялась Вэнь Яо.

— Вы, должно быть, напуганы, — убеждённо сказал он, вцепившись в дверцу так, будто была она единственным прутиком посреди моря. От взора Нянь Цзи он собою загораживал землю впереди.

— Что произошло? — пробормотала она.

— Я не стану отвечать на этот вопрос, Хоу-сяоцзе... пока, — заявил Вэнь Яо с короткой паузой и тут же добавил, — Надо скорее возвращаться, скоро совсем стемнеет. И вам больше нечего бояться, Хоу-сяоцзе, теперь я буду ехать перед вами.

Он собирался уйти и уже отпустил дверцу, но вдруг Нянь Цзи сама его остановила:

— Но откуда вы здесь, Цзян-гунцзы?

Ей показалось, что щёки его слегка порозовели. Впрочем, это могло ей лишь померещиться в приближающихся сумерках. Вэнь Яо сжал кулак и впился ногтями в ладонь, но этого даже не заметил, и признался:

— Как только я узнал, куда вы направились, я поехал за вами. Я беспокоился.

Нянь Цзи не захотела спрашивать, что могло вызвать его волнение. Когда он ответил, она ограничилась тактичной улыбкой и кивнула, как бы выразив ему благодарность, а после захлопнула дверцу. Сяо Е тут же громко всхлипнула. Вэнь Яо замешкался на секунду и вернулся к своему автомобилю.

Уже через несколько минут в трёх автомобилях направлялись обратно в Яньчжоу. Чуть ранее, в любопытстве своём, Нянь Цзи оглянулась, отодвинув шторку багажника, и в последнюю минуту успела разглядеть на земле несколько трупов и человека в военной форме песочного цвета, в лице которого была лишь устрашающая пустота, как у злого духа. Человек этот стоял в сизой мгле и наблюдал за автомобилем. Нянь Цзи почудилось, что он смотрел прямо на неё, и она в ужасе задёрнула шторку, отвернувшись. Грудь её сильно вздымалась, дышать стало тяжело, а сердце болезненно забилось.

На дырявой дороге укачивало, поэтому Сяо Е вскоре провалилась в сон, но Нянь Цзи вновь не могла уснуть. Она всё думала о том, не может ли теперь начаться настоящая вой-

на, ведь Цзян Вэнь Яо и солдаты из армии господина Цзян расстреляли японских солдат. Лэ Нин интересовался отношениями Японии и Китая, но Нянь Цзи в этом совсем не смыслила, потому не продолжила мучить себя напрасными догадками.

Взгляд одного из японских солдат, вероятно, последнего выжившего, стоял перед лицом её с такой чёткостью, будто она всё ещё глядела в окно багажника. Ей было страшно, но она не хотела терзаться пугающими опасениями, потому всё думала о том, отчего Цзян Вэнь Яо бросил свои дела и помчался за ней, и о том, как он заранее узнал о неизвестных нападавших. Ответов она отыскать не могла, на размышления не было сил, потому вскоре её настигла дремота, затем сменившаяся глубоким сном.

ГЛАВА V

Прошло чуть больше двух месяцев с тех пор, как Нянь Цзи начала жить в поместье Цзян. Середина ясного февраля выдалась прохладной, но почти каждый день солнце согревало сверкающий снег и уже оттаявшую блёклую траву.

Конфликт между семьёй Цзян и японским отрядом в Яньчжоу под командованием некоего офицера Курои Карасу, имеющего отношение к японской торговой палате «Тайёун²¹», был мирно улажен. Господин Цзян туманно объяснил это опасностью вражды с Курои Карасу. Нянь Цзи не пожелала выказывать недовольства таким исходом, пусть японцы чуть не лишили её жизни по ошибке, ведь в тот день погибнуть должен был другой человек. Мысль об их безнаказанности угнетала её, однако она не хотела навлекать на себя и брата неприятности, а потому просто согласилась с мирным решением.

Всем, о чём она теперь мечтала, было благополучное возвращение Лэ Нина домой, а остальное она готова была стерпеть, даже если за этим пришлось бы лишиться гордости, закрывая глаза на выходки японцев, и быть готовой к случайной несправедливой смерти.

²¹ Тайёун (яп. ###) — «Солнечная удача». Выдуманная японская торговая палата.

Лэ Нин прислал дорогой сестре несколько писем. В одном из них, не касающемся темы благополучия и проблем Лэ Нина, поблагодарил он сестру за зимнюю одежду и порадовался, что Вэнь Яо и господин Цзян всё же выполнили его просьбу.

Однажды Лэ Нин как бы невзначай написал всего строку о том, как он надеется, что Нянь Цзи не считает Цзян Вэнь Яо, его хорошего друга, в чём-либо виноватым. Она и правда так не считала, тем не менее, Вэнь Яо всё равно избегала. Она видела его почти каждый день за завтраком, если он не успевал ещё уехать в Сидайн, и за ужином, если он вовремя возвращался домой, а в остальное время старалась с ним не встречаться. Впрочем, это не было трудным, ведь целыми днями он пропадал в Сидайне, словно во втором доме.

В другом письме Лэ Нин ответил на вопрос Нянь Цзи о том, почему он столь беспокоится о её отношении к Цзян Вэнь Яо. И ответ его звучал так: *«Всему своё время, цзецзе. Я не осмелюсь раскрывать чужие секреты»*. И больше ни слова о том. Нянь Цзи больше не стала спрашивать. К тому же гораздо сильнее её заинтересовало иное, написанное братом. Он спрашивал о самочувствии и благополучии Жуй Сянь. Нянь Цзи заверила его, что с ней всё замечательно.

Нянь Цзи чувствовала себя обязанной. Она не училась и не работала, лишь помогала госпоже Ли по дому, хотя это, признаться, было вовсе ни к чему, ведь слуг в поместье Цзян было достаточно.

Время от времени Нянь Цзи читала перед сном сказки для Вэнь Фана. Очень скоро застенчивый Вэнь Фан переменялся. Ему так понравилось, как Нянь Цзи читает и пересказывает истории, что уже через несколько вечеров он с досадой заявил, что всегда хотел иметь добрую сестрицу, а не злую, как Жуй Сянь.

Когда Нянь Цзи с книгой бесшумно входила в его комнату, Вэнь Фан босиком вскакивал с постели, бежал навстречу по холодному полу и радостно вскрикивал: «Дацзе²²! Как хорошо, что сегодня ты мне читаешь!» — он отводил её к постели, вцепившись в ткань ципао. — *«Я так рад, что это ты, дацзе! Ты гораздо лучше Жуй Сянь!»* Нянь Цзи, чуть смеясь, одёргивала его: «Полно, сяо-Фан, разве можно так говорить о циньцзеце²³?» Вэнь Фан корчил недовольное лицо, но слушался. Нянь Цзи присаживалась на край кровати, прижимаясь спиной к подушке, и начинала читать. Вэнь Фан пристраивался рядом, и Нянь Цзи обязательно согревалась, даже если до этого тело её покрыто было мурашками.

²² Дацзе (кит. ##) — «старшая сестрица». Обращение к старшей по возрасту женщине.

²³ Циньцзеце (кит. ###) — «родная старшая сестра».

А после сказки, когда Вэнь Фан засыпал, она гасила лампы и целовала его в лобик, посильнее накрывая одеялом. Его комната с тёплым цветом жёлтой мебели и полосатыми обоями олицетворяла покой и безмятежность. Нянь Цзи не любила её покидать, но ей приходилось делать это почти каждый вечер.

Она много читала и училась готовить европейские блюда у мамки Пань — низкорослой пожилой служанки. Та была не в восторге, что барышня приходит на пропахшую кухню, но, тем не менее, учила её.

Однажды госпожа Ли попросила Нянь Цзи лично приготовить семье ужин, и та с радостью согласилась. Готовить китайские блюда у неё получалось весьма недурно, но с европейскими управиться оказалось не так просто, поэтому почти вся семья осталась голодной. Лишь Вэнь Яо съел всё приготовленное Нянь Цзи, а Вэнь Фан, повторяя за братом, чуть не подавился подгоревшим рисом. В тот вечер Вэнь Яо предпоследним поднялся из-за стола, когда они с Нянь Цзи остались в столовой вдвоём. Прежде, чем уйти, он с неуместной серьёзностью поблагодарил её за ужин.

— Неужели вам понравилось? Я же всё испортила, — застенчиво сказала она.

— Это было вкусно, — уверил он и криво улыбнулся. — Спокойной ночи, Хоу-сяоцзе.

Он ушёл раньше, чем она успела ответить той же вежливостью. Нянь Цзи смотрела на вылизанные им дочиста та-

релки, пока их не унесла служанка, и думала о том, какую приятность испытала от его слов, даже если были они простым утешением.

Недавно господин Цзян надолго покидал поместье, но теперь он вернулся. Это был ясный день, в который солнечные лучи щедро заливали светом Яньчжоу, будто он купался в золотом озере. Нянь Цзи отправилась к господину Цзян с просьбой.

Когда после стука она вошла в его кабинет, господина Цзян лежал на кожаном диване с газетой в руках. Одно из двух окон было нараспашку, но в воздухе витал сильный запах кофе. Мебель в кабинете была тёмная, с потолка свисала крупная люстра, а стены были окрашены в зелёный.

— Прикрой дверь, Нянь Цзи, — обратился к ней господин Цзян.

Нянь Цзи щёлкнула дверным замком.

Господин Цзян присел и с шорохом сложил газету. Вид у него был усталый и подавленный, но он всё равно старался улыбаться в присутствии гостыи. Однако улыбка его показалась Нянь Цзи натянутой, а глаза будто бы пустыми, словно господин Цзян только проснулся и ещё не осознал, где находится.

— Присаживайся, — пригласил он, кивнув на край того

же дивана.

Нянь Цзи послушно села.

— Поездка была сложной, Цзян-сяньшэн? — осторожно спросила она.

Тот хрипло усмехнулся, дёрнув ус.

— Ездили в Нанкин... — сообщил он, но тут же смолк, сложив руки в замок. — Впрочем, этот разговор не для тебя. Ты ведь что-то хотела или пришла справиться о моём самочувствии?

Нянь Цзи испытывала смятение из-за своей просьбы, однако иначе поступить не могла. Нервничая и сжимая кулачки на коленях, она призналась:

— Надеюсь, мои слова не покажутся вам странными, но я хотела спросить, не могла бы я пойти на работу?

Господин Цзян искренне изумился:

— Тебе чего-то не хватает?

— Нет, дело не в этом... Я лишь не хочу сидеть без дела.

— Неужели ты думаешь, что своим присутствием обременяешь нашу семью? — едва ли не с насмешкой предположил господин Цзян.

— Дело не в этом, Цзян-сяньшэн, — возразила Нянь Цзи. — Я же не Жуй Сянь, я не ваша дочь и не ваша невестка, как я могу просто брать и ничего не отдавать взамен?

Господин Цзян кивнул:

— Я понял, что ты хочешь сказать. И что ты предлагаешь? Ты же девушка, как я подыщу тебе подходящее место?

Нянь Цзи поникла и не отвечала. Господин Цзян тоже помолчал, на лбу его и меж бровей пролегли глубокие морщины. Чуть погода он оживился:

— Одно место есть, — и тут же запнулся, исподлобья глянув на Нянь Цзи. — Пожалуй, ты ещё не слышала о случившемся...

— О чём вы, Цзян-сяньшэн? — напряжённо переспросила она.

Господин Цзян, всё взвесив, всё же рассказал ей о подрыве некими японскими солдатами книжного магазина дядюшки Моу. В этот магазин Нянь Цзи и Лэ Нин любили ходить с матушкой в детстве. По словам господина Цзян, дядюшка Моу отказался продавать этим солдатам «книгу о мифах и легендах Китая», ведь они потешались над ней, а дядюшка Моу с юности знал каждую легенду и миф наизусть. Произошло это событие около полугода назад.

В страхе Нянь Цзи воскликнула:

— Но Моу-бобо²⁴? А как же он? Он в порядке?

— Не волнуйся, — сказал господин Цзян. — Моу-сяньшэн жив. Его магазинчик я купил, чтобы помочь ему деньгами. Он всё ещё всем заправляет, просто владелец теперь я. Пойдёшь к нему работать?

Нянь Цзи просияла:

— Спасибо, Цзян-сяньшэн! Конечно пойду!

²⁴ Бобо (кит. ##) — «дядя». Используется при обращении к старшим.

В тот же день Нянь Цзи и Жуй Сянь отправились к книжному магазину дядюшки Моу. До центра они добрались на рикше, оттуда пешком по главной улице. День и вправду выдался славный! Как же было светло и свежо! Почти всю дорогу Жуй Сянь болтала без умолку, а Нянь Цзи слушала все её рассказы об изменившемся Яньчжоу. Давно уже иностранцами вытеснялись традиционные китайские дома, но ещё пять лет назад их не нужно было искать. Теперь почти все здания, начиная от простых торговых лавок и заканчивая главным городским отелем, увешанным светящимися неоновыми вывесками и огромными круглыми гирляндами, перестроены были на западный манер. Жуй Сянь пошутила, что какой-нибудь иностранец не отличил бы родной город от Яньчжоу. Она сказала, что, если деревня Чэньлу была уменьшенной копией Яньчжоу, то сам Яньчжоу был маленьким Шанхаем.

За весь путь от начала главной улицы и до книжного магазина дядюшки Моу девушки дважды имели возможность полюбоваться на звенящий трамвай, на наружной ступеньке которого зайцем катались мальчишки в потрёпанной одежде.

Нянь Цзи убедилась в словах брата: и правда, не так много повстречалось ей людей в китайской одежде. Многие одеты были на манер модной Жуй Сянь: длинные пышные юбки и блузки с пальто у женщин, большие пиджаки и просторные

брюки у мужчин. И многие в головных уборах: кто в мрачной фетровой шляпе, кто в цилиндре, кто в элегантной шляпке, чуть надвинутой на лоб.

Наконец девушки пришли. Давно уже не осталось следов взрыва. Книжный магазин сверкал новой отделкой с округлыми резными узорами. Он был небольшим, сливался с соседними зданиями, имел узкую дверь из красного дерева и два застеклённых окна по обе стороны, за которыми можно было разглядеть, присмотревшись, с внимательностью расставленные фарфоровые фигурки разных животных: от мелких птичек до крупных драконов. Книги в оригинальных красивых обложках дополняли это почти детское украшение.

Жуй Сянь толкнула дверь ладошкой, и раздался глухой стук дверного колокольчика. Оказавшись внутри, девушки закашлялись от пыли, и Жуй Сянь оставила дверь открытой, подложив под нижнюю петлю первую попавшуюся книгу. В магазине было тесновато: всё заставлено шкафами, заполненными книгами до того, что свободного места почти не осталось, точно не шкафы это были, а стены, и душновато: казалось, что хозяин не часто проветривал. Воздух был густой и сладко пах старыми книгами. На дубовом столе прямо напротив входа стояла зелёная лампа, а под её желтоватым светом красовался фарфоровый ангел с наивным ребяческим лицом.

Бегло оглядевшись, Жуй Сянь озадачилась:

— Где же Моу-бобо?

— Я здесь! — незамедлительно раздался старческий глухой голос из-за одного ближнего к столу шкафа.

Нянь Цзи приготовилась встретить старого знакомого, но стоило ему появиться, как она растерянно замерла, словно её оглушили. Перед ней был всё тот же невысокий седовласый старик со множественными морщинами на лице и руках, однако теперь второй ногой служили ему костыли. Нянь Цзи приоткрыла рот, силясь улыбнуться, но не смогла. Она испытала облегчение, когда оказалось, что дядюшка Моу не погиб во взрыве, но разве могла она быть счастлива при виде подобной муки? Старик выглядел больным и немощным. Он исхудал, точно вяленая рыба, и постарел лет на пятнадцать.

Дядюшка Моу благодушно глядел на Нянь Цзи. Он сразу узнал в ней шестнадцатилетнюю девочку, что была у него в последний раз.

— Рад тебя видеть, Нянь Цзи-гунян²⁵, — добродушно изрёк он.

На глаза её навернулись непрошенные слёзы, но она всё же смогла совладать с собой, когда Жуй Сянь взяла её за руку.

— Я тоже рада, Моу-бобо, — произнесла Нянь Цзи. — Но что же здесь случилось? Зачем?..

— Такие времена, Нянь Цзи-гунян, — просто отвечал старик. — Я давно смирился. Я благодарен небесам за своё спа-

²⁵ Гунян (кит. ##) — «барышня, девушка» (обращение).

сение и послание ангела хранителя! — он посмотрел на ЖуЙ Сянь, как на произведение искусства. — Если бы не он, я умер бы мучительной смертью в холоде и голоде! Так что не мне жаловаться на свою жизнь. И о твоей семье я знаю, да. Как ты теперь живёшь? Всё ли у тебя хорошо?

Нянь Цзи не хотела волновать его, но и не могла врать, поэтому ограничилась ответом, что прямо сейчас с жизнью её всё в порядке. После этого дядюшка Моу поведал ей о новых книгах, которые переводили с иностранных языков на китайский и привозили в его магазин. Теперь здесь иностранной литературы было чуть ли не больше, чем китайской. Много было и японских книг, полки с которыми покрылись заметным слоем пыли.

Вскоре Нянь Цзи перешла к вопросу, ради которого в книжный магазин и прибыла. Дядюшка Моу отвечал не сразу. Поразмыслив, он не без сомнения поинтересовался:

— Чем же тебе здесь заниматься, Нянь Цзи-гунянь? Разве такая работа подходит тебе?

Нянь Цзи заволновалась:

— Моу-бобо, а какая же работа мне подходит? Неужели это так сложно?

Старик покачал головой:

— Нянь Цзи-гунянь, я бы пожелал тебе оставаться дома, в безопасности.

Голос его прозвучал зловеще. Нянь Цзи стушевалась и не успела ответить, когда руки дядюшки Моу затряслись. Он

чуть не выронил костыль, но она помогла его придержать.

— Вы боитесь, — догадалась она и вспомнила взрыв на дороге, на пути в Яньчжоу из Чэньлу. — Боитесь японцев...

— Боюсь, — не стал увиливать дядюшка Моу. — Что же с тобой может сделаться, если они вновь явятся? Ты красивая девушка, Нянь Цзи-гунян.

Нянь Цзи не знала, что ответить. Разве он был не прав? Нынешние времена не обещали ничего хорошего, впереди ждали лишь худшие испытания, о которых не нужно было и догадываться. Но она подумала так же и о том, как тяжелеет в её душе мысль о собственной бесполезности в поместье Цзян, потому всё же повторила, что хочет работать в книжном магазине дядюшки Моу. Больше он не стал её отговаривать и сказал приходить к нему завтра же.

Прежде, чем уйти, Нянь Цзи купила «книгу о мифах и легендах Китая». Жуй Сянь взяла её под руку и они, распрощавшись с дядюшкой Моу, покинули его магазин. За это время небо затянулось белыми тучами, и стало прохладней. К счастью, ранее Жуй Сянь надела бежевое пальто и уговорила Нянь Цзи прихватить с собой тёмно-зелёное пальто, потому им не было холодно на пути в поместье.

ГЛАВА VI

В одно мартовское утро, когда Нянь Цзи сидела в плетённом кресле на залитом солнцем балкончике второго этажа, туда кто-то зашёл. Она невозмутимо обернулась, качнувшись в кресле, но тут же растерянно вскочила. Она не видела Цзян Вэнь Яо на завтраке и потому думала, что сегодня в поместье никого, кроме неё и Жуй Сянь, не осталось, однако перед ней стоял не менее растерянный, похожий сейчас как никогда на застенчивого младшего брата, Цзян Вэнь Яо. Нянь Цзи сцепила пальцы на уровне живота, не зная, куда деть руки, и от неожиданности забыла его поприветствовать. Но неловкое молчание он оборвал сам, и голос его был тихим, почти мягким, ничуть не таким, каким она привыкла его слышать, ведь наедине с ней он почти не говорил с инцидента на пути из Чэньлу:

— Простите. Я думал, здесь никого нет.

Нянь Цзи неловко улыбнулась, но ничего не сказала. Вэнь Яо, отведя на мгновение взгляд, вновь подал голос:

— Вы сегодня не у Моу-сяньшэна?

— Нет, — почти неслышно подтвердила она.

— Я думал, вы с матушкой и младшим братом ушли в кинотеатр.

Нянь Цзи наконец подняла на него глаза:

— Я слишком поздно проснулась. А вы?..

— Я поеду в Сидайн чуть позже.

— В таком случае прошу прощения, что потревожила, Цзян-гунцзы. Я, наверное, пойду.

И она дёрнулась к двери, но Вэнь Яо остановил её одними словами:

— Вам нравится здесь?

Недолго думая Нянь Цзи заверила, что так и есть. Вэнь Яо не выразил никаких эмоций, и понять, о чём он подумал с её ответом, было решительно невозможно.

— Вэнь Фан много говорит о вас, — признался он. — Этим он напоминает мне одного человека.

— Лэ Нина?.. — незамедлительно догадалась Нянь Цзи.

— Да, его, — согласился Вэнь Яо и помолчал. — Я благодарен Вэнь Фану за его болтливость, потому что вас я вижу реже всех.

Нянь Цзи несколько раз моргнула и, не зная, что ещё сказать, пробормотала:

— Я не совсем понимаю...

— Скоро Юаньсяоцзе²⁶, — мягко перебил её Вэнь Яо и взглянул так, будто боялся спугнуть. — Вы не составите мне компанию, Хоу-сяоцзе?

Она почти ошеломлённо на него глядела. Впрочем, всякое удивление отступило, когда Вэнь Яо первый же отвёл взгляд,

²⁶ Юаньсяоцзе (кит. ###) — «Праздник фонарей». Праздник, знаменующий собой окончание Чуныцзе (Китайского нового года). Отмечается в 15-й день 1-го месяца по лунному календарю.

а на щеках его проступил заметный румянец. Руки он спрятал в карманах домашних брюк и сжал в кулаки. Тогда для Нянь Цзи всё стало естественным, как ночная луна и утреннее солнце в небе. Она подумала, что могла бы стать его спутницей на вечер Юаньсяоцзе в благодарность за помощь, поэтому еле слышно выдохнула и кивнула, во что Вэнь Яо поверил не сразу. Он будто лишь сильнее растерялся, и голосом, зазвучавшим громче, переспросил:

— Так вы согласны?

— Да, я согласна, — спокойно повторила Нянь Цзи. Она отвернулась, чтобы взглянуть на город в отдалении, за крышами прочих поместий. — В последний раз я была на Юаньсяоцзе так давно, что ничего не помню. Но раньше я очень любила этот праздник, поэтому буду счастлива сходить с вами.

Вэнь Яо молча смотрел на неё, пока она к нему не повернулась; в тот момент он моргнул и поспешно отвёл глаза.

— Я помню, когда вы были на Юаньсяоцзе в последний раз, — сообщил он. — Я помню вас и вашу матушку. Что вы пожелали в тот год?

Нянь Цзи покачала головой:

— Я не помню, но, наверное, это были мои детские мечты. Когда я была младше, то мечтала выйти замуж за такого же хорошего человека, как мой папа. А ещё мечтала о бесконечных конфетах.

Вэнь Яо улыбнулся.

— А вы что-нибудь пожелали? — спросила Нянь Цзи.

— Я пожелал... — протянул он, но не продолжил. Кажется, он и не собирался, вдруг приняв расстроенный вид, но к тому же его перебил мальчишка из прислуги, который забежал на балкон с криками:

— Цзян-шαιο! Цзян-шαιο! — увидев Нянь Цзи, мальчишка бегло бросил, — Хоу-сяоце! — и снова, точно трамвайный звонок, затараторил, — Шαιο! Там из Сидaina приехали и вас ищут! Вас Цзян-сяньшэн и тот японец с усами вызывают!

Вэнь Яо не стал медлить: в коротком прощании нежно улыбнулся Нянь Цзи и исчез в коридоре вслед за мальчишкой. Она думала обо всех его словах и чувствовала себя хорошо, а на лице её проступала естественная радость.

Вскоре Нянь Цзи услышала голоса и, слегка перегнувшись через перила, увидела внизу чёрный автомобиль и нескольких мужчин в военной форме: все, как один, в болотного цвета фуражках с символом Гоминьдана²⁷, а самый высокий ещё и в того же цвета двубортном пальто. Вдруг мужчина в пальто воззрел вверх: им оказался Цзян Вэнь Яо. Нянь Цзи отпрянула от перил, как от раскалённого камня, и опустилась в плетёное кресло. Глубоко дыша, она вдруг заметила, что сегодня было особенно тепло и светло. И весь её

²⁷ Гоминьдан (кит. #####) — «Китайская национальная партия». Консервативная политическая партия Китайской Республики. В 1926-1927 годах Чан Кайши возглавил Северный поход, что привело к завершению эры милитаристов, и объединил Китай под властью Гоминьдана.

оставшийся день прошёл на удивление приятно.

Наступил вечер праздника фонарей. Когда небо медленно заливалось розово-фиолетовым, словно смешавшаяся краска у небрежного художника, и на нём загорались первые блёклые звёзды, Сяо Е принесла Нянь Цзи ципао до щиколоток кремового цвета, почти белого, с изумрудной узорной окантовкой, что вилась, как змейка, по бокам и по косой застёжке на груди. Чуть ниже правого бедра шёл вырез по застёжке. Надев сверху короткую накидку чуть ниже лопаток и с высоким горлом, Нянь Цзи застегнула пуговицы на шее. Волосы ей Сяо Е собрала в лёгкий пучок, зафиксировав длинной светлой шпилькой, на одном конце которой вырезан был тусклый цветок, а с него, переливаясь, как жемчуг, свисал водопад серебряных недлинных подвесок.

Закончив со сборами, Сяо Е осмелилась спросить:

— Сяоцзе, вы идёте на Юаньсяоцзе с Цзян-шаое?

От Нянь Цзи не укрылось несколько странное поведение её служанки: была она всё столь же отстранённой, как и всегда, но при этом она прятала глаза, словно что-то скрывая, а на губах её мелькала нервная улыбка. Нянь Цзи ответила подтверждением. Ей было интересно, спросит ли робкая Сяо Е что-нибудь ещё, и она действительно спросила:

— Вы возьмёте меня с собой?

— Ты моя служанка, Сяо Е, — сказала Нянь Цзи. — Конечно, я возьму тебя.

— Но если бы было можно... Может, вы возьмёте кого-нибудь другого?

— Почему?

Сяо Е не отвечала и прятала глаза. Нянь Цзи не захотела её мучить:

— Хорошо, раз ты просишь. Приведи мне кого-нибудь другого. Скажи всем, что тебе нездоровится и что я тебя отпустила.

Она думала, что её слова порадуют Сяо Е, но та даже не поблагодарила её, а лишь судорожно поклонилась и выбежала из светлой комнаты, словно провинившийся ребёнок.

Нянь Цзи терпеливо дождалась другую служанку, и вместе они направились в холл первого этажа, где на жёлтом диване Цзян Вэнь Яо, одетый в белую рубашку и песочные брюки на подтяжках, приглушённо разговаривал с кем-то, кого они не видели из-за выпирающей стенки. Вэнь Яо повернулся на стук каблуков и, увидев Нянь Цзи, поднялся, приветливо улыбнувшись. Она встала рядом с ним.

Говорившим оказался господин Цзян; вид у него было таким мрачным, каким она его ещё ни разу не видела. Господин Цзян встряхнул газету, бросил Нянь Цзи незаинтересованное приветствие и поднялся, дёрнув левый край уса. С очевидным, но неясным для неё недовольством он пожелал им с Вэнь Яо хорошо провести время и зашагал к лестнице.

Нянь Цзи невольно ощутила себя виновницей его дурного настроения, но постаралась так не думать, ведь вряд ли это можно было назвать правдой.

Когда он ушёл, Вэнь Яо, всем телом обратившись к ней, волнительно сказал:

— Простите за это, Хоу-сяоцзе. Отец сегодня не в лучшем расположении духа.

Весьма бессмысленное извинение неожиданно позабавило её, и она добродушно усмехнулась. Нянь Цзи очень хотела на праздник фонарей, а потому расстройство Вэнь Яо из-за отца не помешало ей остаться в приподнятом настроении.

— Вы уже готовы? — уточнил он.

Нянь Цзи это подтвердила, и тогда он повёл её к выходу.

На автомобиле в сопровождении двух солдат из армии Вэнь Яо, они доехали до широкой городской реки Чжубао, что разделяла город Яньчжоу на две части и текла к устью Янцзы. С каждой минутой небо всё темнело и темнело, как вода от чернил, а неоновые вывески на домах горели всё ярче и ярче, как пожар.

Служанка и солдаты брели где-то позади, когда Вэнь Яо, держа Нянь Цзи за руку с её позволения, поднялся на небольшую возвышенность: зелёный холм с частыми деревцами в центре города, с которого открывался прелестный вид на Чжубао. Широкий каменный мост над рекой светился, точно устланный зажжёнными свечами, и переполнен был людьми в нарядных одеждах.

Вскоре служанка принесла Вэнь Яо и Нянь Цзи два небесных фонарика цвета спелых персиков. Многие уже зажгли горелки у своих фонариков, а потому вокруг всё светилось, как днём. Нянь Цзи тоже зажгла горелку и, отдав Вэнь Яо поддержать фонарик, сложила руки в замок чуть ниже подбородка и закрыла глаза. На лице её играли тёплые огни и полупрозрачные тени. Она открыла глаза, и они с Вэнь Яо поменялись местами. Он, как ей показалось, испытывал смущение. Он загадал желание так быстро, что она едва ли успела моргнуть.

Люди постепенно начали выпускать небесные фонарики, и те украсили собою позднее вечернее небо, отдаваясь и медленно превращаясь в крошечные огоньки. Нянь Цзи и Вэнь Яо поступили так же, как остальные, и некоторое время любовались небом, напоминающим теперь ночной пруд, устланный множеством светящихся лотосов.

Спустились с холма. В этот вечер Яньчжоу был столь броским, что звёзд в небе не было видно. Все улицы увешаны были розовыми и оранжевыми фонарями и напоминали сад со спелыми горящими фруктами. По каменной дорожке Вэнь Яо повёл Нянь Цзи к маленькой беседке на берегу городской реки Чжубао.

Вскоре они остались наедине. В маленькой беседке было безмятежно и тихо, шум толпы и ослепляющая яркость праздника остались позади. Неровная гладь воды, поблёскивающая сквозь щели меж досок под ногами и редкое пение

птиц где-то в ветвях деревьев, склонившихся над конусной крышей беседки, дарили краткое утешение. Вид на другой берег был приятен для глаз, украшенный изогнутыми серыми ветвями и вечнозелёными кустарниками.

Вэнь Яо молчал, но Нянь Цзи не могла распознать, от неловкости так было или, быть может, он решался что-то сказать. Он вцепился в деревянное узорчатое ограждение и даже не замечал, что пальцы его побелели. Нянь Цзи видела его уверенным и суровым молодым мужчиной, каким был и его отец, но стоило им остаться наедине, как превращался он в копию застенчивого младшего брата. Воздух показался ей густым и туманным, но она никак не могла найти слов, а потому они оба молчали до момента, пока Вэнь Яо наконец не протянул:

— Хоу-сяоцзе... вы хотели бы узнать, что я загадал?

— Вы сделали это так быстро, — наивно произнесла Нянь Цзи. — Не представляю, что вы могли загадать. Вы расскажете мне?

Лицо Вэнь Яо украсила странная, но нежная улыбка.

— Последние три года я загадывал одно и то же желание, и оно наконец сбылось. Нынешнее моё желание я не посмел загадывать. Я лишь надеюсь, что исполнить его в моих собственных силах.

Он пристально смотрел на Нянь Цзи, но она любовалась узорами на своих заострённых туфлях. А вокруг было так

красиво! Словно на картине Ци Байши²⁸ или Сюй Бэйхуна²⁹, а она этого не замечала. Ей вдруг захотелось извиниться и сбежать, и она принялась разглядывать полосы на деревянных досках и считать их. Вэнь Яо упускал время, как пальцы упускали песок, и молчал, точно лишившись дара речи.

— Простите меня, Хоу-сяоцзе, — через время всё же выдал его. Его голос прорезал хрупкую тишину.

Нянь Ци наконец подняла голову и уточнила, за что же он просит прощения.

— Мне жаль, что я стал тем, кто забрал у вас Лэ Нина, — сказал так, словно признался в смертельном недуге, Вэнь Яо.

— Это вовсе не ваша вина, — мягко, но печально отвечала Нянь Ци. — Я больше всех желала уберечь А-Нина, но даже я не смогла защитить его. Что же вы могли поделать?

Вэнь Яо хотел добавить хоть что-то, но открыл рот и не смог вымолвить ни слова. После он так вздохнул, будто лишился тяжёлого мучительного груза, что долго клонил его к земле.

Снова беседка погрузилась в тишину, но теперь воздух вокруг стал свежим и лёгким, теперь он не давил, подобно пла-

²⁸ Ци Байши (кит. ###) — (1 января 1864 — 16 сентября 1957) — китайский художник, каллиграф и мастер резьбы по камню.

²⁹ Сюй Бэйхун (кит. ###) — (19 июля 1895 — 26 сентября 1953) — китайский живописец и график, один из первых китайских художников XX века, который объединил национальные художественные традиции с достижениями европейской живописи.

ванию против течения. Чуть погода Вэнь Яо сообщил:

— На самом деле давно в прошлом я каждый раз загадывал одно и то же желание, которое, к сожалению, так и не сбылось.

— Кто знает? Может, оно ещё сбудется, — просто предположила Нянь Цзи. Теперь она смотрела прямо, любуясь блеском от света запоздалых фонариков в отражении воды. — Вы расскажите, что это было за желание?

Вэнь Яо с готовностью начал:

— Ещё когда мой старший брат был жив, я мечтал вырасти как можно скорее и стать каллиграфом. Если сейчас взглянуть на моё письмо, то об этом нельзя и помыслить, но в детстве я был очень этим увлечён. Когда старший брат вернулся из военной академии, я был ещё совсем маленьким. Отец сказал, что брат скоро снова уедет, поэтому на память я подарил ему свою каллиграфию, но он забыл взять её с собой. А когда брат погиб, мне пришлось навсегда забыть о своём увлечении: отец выбросил все принадлежности для каллиграфии и запретил покупать новые, — Вэнь Яо повернулся к Нянь Цзи всем телом и закончил такими словами, — Каждый год до его смерти я загадывал стать самым знаменитым в Китае каллиграфом, но после его смерти понял, что моё желание никогда не исполнится.

Нянь Цзи выразила ему сочувствие, и в голову ей пришла мысль, что она могла ошибаться на его счёт. Вэнь Яо представлялся ей невозмутимым и суровым человеком, какими

она видела всех военных, таких, как отец, однако теперь это представление не казалось ей таким же искренним, как раньше. К тому же в прошлом она и сама имела много мечтаний и надежд, но с потерей родителей они испарились, как пыльца на ветру. Самой простой её мечтой было закончить «Девичью школу Яньчжоу», но даже этому не суждено было сбыться. Нянь Цзи хотела спокойной и мирной жизни в Яньчжоу, но родители её погибли, а за любимого брата теперь приходилось беспокоиться изо дня в день, потому душевное умиротворение не виделось ей мыслимым ещё весьма продолжительное время. Так мог ли этот отрешённый мужчина, стоящий перед ней, испытывать подобную тоску?

— Я ищу возможность увидеться с Лэ Нином, — внезапно сообщил Вэнь Яо, заставив Нянь Цзи оживиться. — Я хочу знать, в порядке ли он. И я хочу утешить вас, Хоу-сяоцзе. Если бы я только мог встретиться с ним, я бы отправился к нему прямо сейчас.

— Спасибо, — на выдохе поблагодарила она.

Вэнь Яо торопливо кивнул и отвернулся к противоположному берегу, скрыв от неё лицо. Нянь Цзи не трогала его. Не прошло и минуты, как Вэнь Яо вновь повернулся, проведя по щеке ладонью. На лицо его будто легла тень.

— Сегодня я кое-что вспомнил. Я вспомнил... самый счастливый момент в своей жизни, — сказав это, он быстро проговорил, — Что ж, пора возвращаться, Хоу-сяоцзе.

Он собирался было отвернуться, однако Нянь Цзи внезап-

но воскликнула:

— Постойте!

Вэнь Яо замер, будто только этого и ждал. Нянь Цзи поспешила предложить, боясь передумать:

— Цзян-гунцзы... я бы хотела называть вас по имени, как Жуй Сянь.

По виду его оживлённому можно было догадаться, какую приятность он испытывал в это самое мгновение. Он без раздумий сказал:

— Я буду очень счастлив, Нянь Цзи.

Затем он подошёл и предложил ей руку. Нянь Цзи с радостью ответила на его жест, и они отправились обратно в поместье.

ГЛАВА VII

Нянь Цзи много времени проводила в книжном магазине дядюшки Моу. Там было около восьми шкафов и больше тысячи книг. Нянь Цзи тщательно прибрала все полки за пару недель. Почти каждый день она ухаживала за магазином, протирая от пыли полки и книги и проветривая помещение, в котором до этого запах стоял не самый располагающий. За дядюшкой Моу оставалась только продажа книг, за что он помощнице своей был безмерно благодарен, ведь сам поддержанием порядка заниматься был не в состоянии.

После праздника фонарей Нянь Цзи не пересекалась с Вэнь Яо. Как, впрочем, и с господином Цзян, и она решила, что они оба очень заняты в Сидайне.

Именно потому она почти испугалась, когда в один день, обернувшись на стук треснувшего дверного колокольчика, увидела несколько потерянного Вэнь Яо, который оглядывался так, будто что-то искал. И действительно, только он увидел Нянь Цзи, как лицо его разгладилось, но он не улыбнулся, так как сделать этого был не в силах, совершенно смятённый и растерянный. Он молчал, как немой, поэтому она сама позвала его и подошла ближе. Вэнь Яо скрывал руки за спиной.

— Мы давно не виделись, Нянь Цзи, — сказал он.

Нянь Цзи неловко пробормотала:

— Да, это так...

— Уже поздно, — вновь помолчав, проинформировал Вэнь Яо. — Когда ты закончишь? Я провожу тебя.

Нянь Цзи оглянулась на дядюшку Моу, который до этого заседал за дубовым столом напротив входа, но его и след простыл. Тогда она ответила:

— Скоро... сейчас.

— Я буду ждать в автомобиле, пока ты не закончишь. Мне... — Вэнь Яо замялся, — ...нужно тебе кое-что отдать. Не торопись.

И после этих слов он чуть ли не сбежал: так быстро выскочил на улицу, даже не дождавшись ответа. Пальто его колыхнулось и едва не застряло в проёме, когда захлопнулась дверь.

Нянь Цзи отыскала дядюшку Моу в отдельной крошечной комнате, где тот обычно обедал, предупредила его об уходе и вышла на прохладную улицу. На акварельно-синем небе уже мерцало множество звёзд. Подул ветер, смешанный с моросью, и ей пришлось придержать краешки головного платка.

Вэнь Яо стоял у автомобиля и, только увидав Нянь Цзи, открыл для неё дверцу. Когда она залезла внутрь, Вэнь Яо сел рядом с ней и приказал шофёру ненадолго оставить их наедине. После он протянул Нянь Цзи круглую бронзовую шкатулку, что едва умещалась в её маленькой ладони, и негромко сказал:

— Я надеялся, что ты сохранишь её для меня.

Нянь Цзи открыла шкатулку, и по салону разлилась звонкая, неспешная мелодия, которую она сразу узнала, ведь Лэ Нин очень любил её и часто напевал себе под нос, когда был ребёнком. Он заводил шкатулку и заводил, пока Нянь Цзи не захотелось сломать её. Теперь же шкатулка была для неё драгоценностью.

— Откуда она у тебя? — спросила она, преисполненная чувством тоски по беззаботному прошлому.

— Лэ Нин случайно взял её с собой и попросил меня придержать её.

Вскоре прозвучал последний звук, и после него явилась неестественная тишина, только прохладный ветер завывал на улице. Нянь Цзи первая вновь подала голос:

— Почему же ты просишь сохранить её?

— Чтобы ты сама отдала её Лэ Нину, когда он вернётся.

Нянь Цзи подарила ему короткую благодарную улыбку и вновь завела шкатулку. Она не могла знать, с каким трепетом при действии её простом застучало у Вэнь Яо сердце. Он нервно выдохнул, отвернулся и молча покинул автомобиль.

Нянь Цзи не раз прослушала мелодию, показавшуюся ей печальной, но Вэнь Яо долго не возвращался, и она погрузилась в крепкий сон, уставшая после работы и занимаемая мыслями о дорогом брате. Лицо его так явственно играло перед её взором, словно они виделись только вчера.

Проснулась Нянь Цзи уже следующим утром. Первым делом она вспомнила про бронзовую музыкальную шкатулку и вскочила, но успокоилась, увидев её на прикроватной тумбочке. Нянь Цзи снился сон, но она не помнила, о чём он был. Кожу лица стянуло от слёз, глаза покраснели и опухли, потому она не спустилась на завтрак, с помощью Сяо Е предупредив госпожу Ли, что не очень хорошо себя чувствует и не имеет аппетита.

Чуть позже кто-то постучался в комнату, и Нянь Цзи открыла ему. Это оказался один из мальчишек-слуг Вэнь Яо. Мальчишка ничего не сказал, только с напускной серьёзностью передал ей свёрнутую записку и умчался. Любопытствуя, она развернула записку. Почерк автора был ровным, с заострёнными углами иероглифов, написанных чёрными-чёрными чернилами, будто сделанными из самой ночи. Подобной каллиграфии Нянь Цзи за всю жизнь не встречала. Записка была коротка:

«Нянь Цзи, надеюсь, ты не станешь держать на меня обиды за то, что я был не до конца честен с тобой, ведь музыкальная шкатулка — это мой подарок. Лэ Нин сказал, что тебе понравится, но если ты не захочешь его принять, тогда я буду ждать тебя в Сидашине до сегодняшнего вечера. Дома я его уже не приму.

Цзян Вэнь Яо».

Шкатулку Нянь Цзи не вернула: теперь она украшала её письменный стол. А по вечерам из светлой комнаты можно было услышать тихую-тихую мелодию, будто капающие на мраморный пол слёзы.

В одно утро, вскоре после описанного дня, Цзян Вэнь Яо имел неудачу услышать вещь, заставившую его перестать появляться в поместье Цзян. Вещь эта не просто касалась Нянь Цзи, но ею была озвучена.

В то утро Нянь Цзи и Жуй Сянь проводили время в большой гостиной, располагающейся через холл прямо напротив маленькой. Имелись в большой гостиной два крупных мягких кресла, обитых золотистой тканью и стоящих напротив длинного дивана, а между ними — кофейный столик с лакированной деревянной поверхностью, напоминающей зеркало. Обои в гостиной были зелёными, с выющимися, как тоненькие змеи, узорами. В одно из двух небольших окон задувал слабый ветер, волнуя полупрозрачные белые шторы и цветущие растения, украшающие гостиную. Девушки перебирали новые платья Жуй Сянь, купленные не так давно, но ещё ни разу ею не ношенные. Лежали эти платья неаккуратной кучкой на кофейном столике.

Жуй Сянь, осведомлённая о любви Нянь Цзи к ципао, решила, что желает поделиться с ней платьями европейского

стиля, объясняя это заботой, а именно такими словами:

— Нянь Цзи, ципао прекрасны! Но разве тебе не хочется попробовать что-то новое? Такие платья гораздо практичней!

— Почему? — спросила Нянь Цзи.

Тут Жуй Сянь на несколько мгновений опустила голову, придумывая, а потом начала:

— Если в будущем ты вдруг уедешь из Китая, разве тебе будет удобно ходить там в ципао? Знаешь, скажу тебе по секрету, старший брат не отказался бы повидать мир. Например, когда Вэнь Фан подрастёт и заменит его в Сидайне, Вэнь Яо сможет поехать учиться в Англию или Францию, он мне сам говорил... — и тут Жуй Сянь, поджав губы, помолчала, а потом негромко подвела, — Это я к тому, что, возможно, когда-нибудь ты вместе со старшим братом сможешь поехать за границу, и тогда эти платья придутся тебе как раз кстати.

— Я не понимаю тебя, — просто сказала Нянь Цзи.

Жуй Сянь тогда оставила платья и взяла её за руки, чтобы она внимательно послушала, и вдруг объявила:

— Если честно, есть кое-что, что я больше не могу от тебя скрывать.

— Что же? — наивно уточнила Нянь Цзи, тем не менее, она подозревала, какого рода вещь собиралась ей поведать Жуй Сянь, и не была уверена, что хотела бы её услышать.

— Как-то раз я случайно услышала разговор папы и старшего брата, который касался вас с Лэ Нином. Это было как

раз пять лет назад, после смерти вашей с Лэ Нином матушки... Старший брат уже тогда просил забрать вас к нам, но папа не захотел, а ещё после этого они поссорились и, кажется, до сих пор злятся друг на друга. Поэтому, когда Лэ Нин пришёл к нам осенью и просил, чтобы папа принял тебя у нас, я думала, что он ни за что не согласится, но старший брат смог его как-то убедить, — Жуй Сянь покачала головой, — Но я не знаю как. Нянь Цзи, то, что я хочу тебе сказать, касается Вэнь Яо... точнее, его отношения к тебе.

— Каково же его ко мне отношение? — пробормотала Нянь Цзи, отведя глаза.

— Мне кажется, что у него к тебе какие-то... особые чувства.

— Боюсь, ты ошибаешься, Жуй Сянь, — робко сказала Нянь Цзи и не поверила собственным словам. — Мы совсем не знаем друг друга, поэтому не думаю, что это так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.